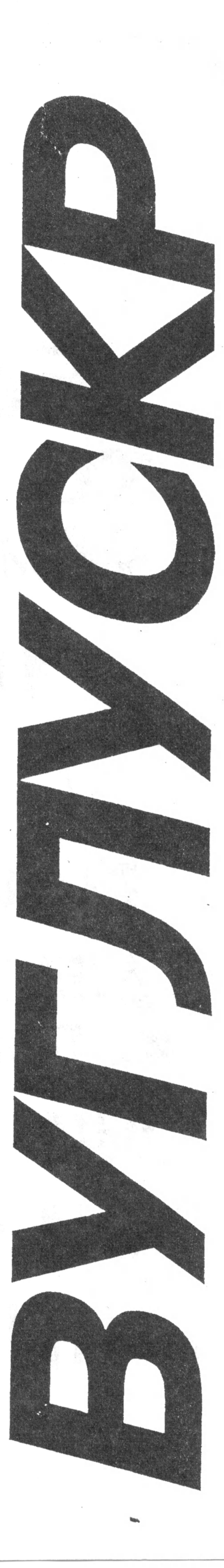
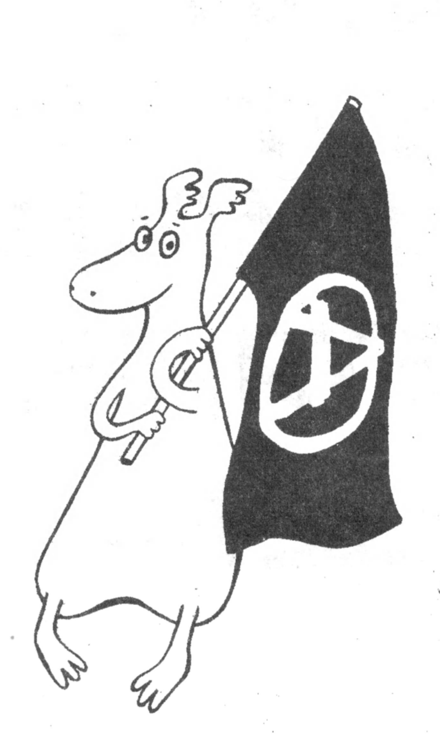
...пока не посвежеет.

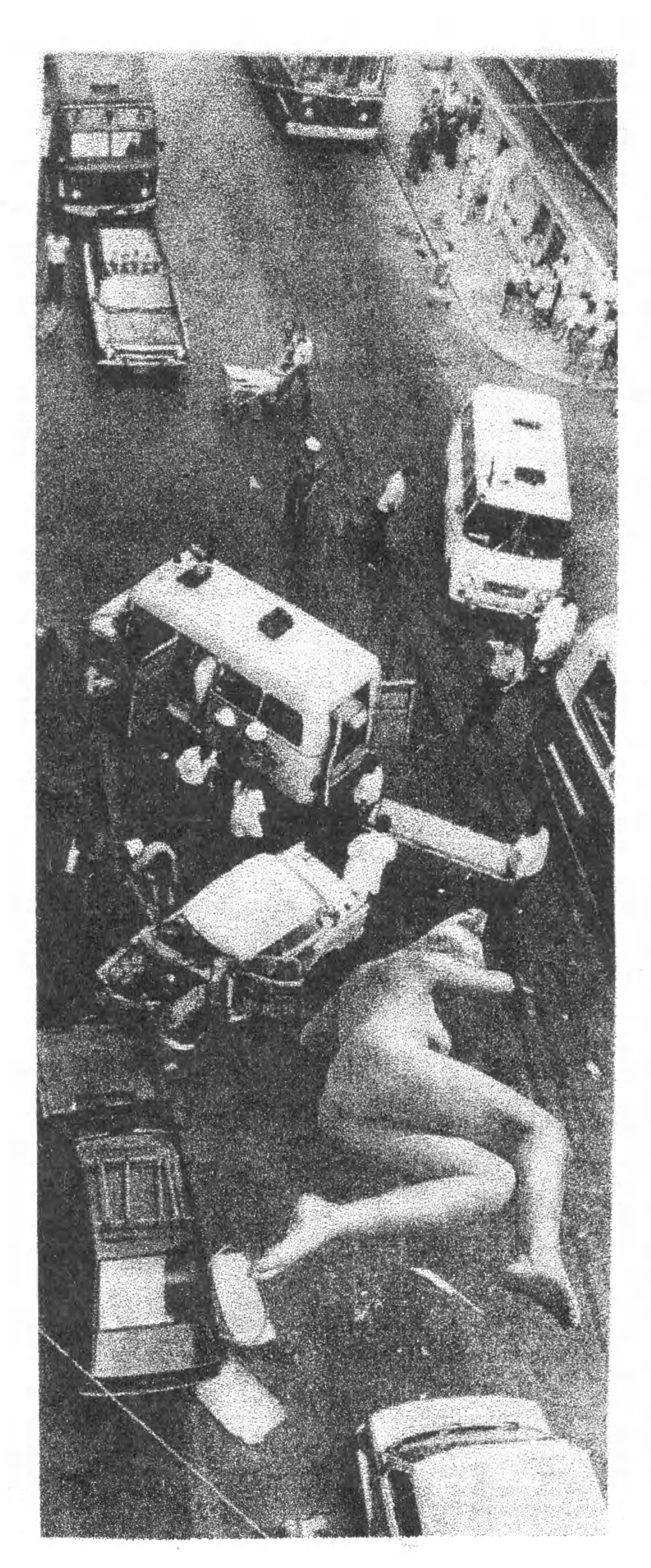
ДОРОГОЙ
ЕСЛИ ТЕБЕ ПОПАЛ
ТО ЭТО НЕ ЗРЯ. ЗНАЧИТ,
САМОЕ ГЛАВНОЕ В
ЧЕЛОВЕК СОЗДАН
КАК ПТИЦА
ПОЧЕМУ ТЫ ТАКОЙ
ДЕЛО В ТОМ, ДРУГ, ЧТО
КОТОРЫЕ НЕ ХОТЯТ
ОНИ ХОТЯТ НЕСВОБОДЫ.
ОНИ ИНОПЛАНЕТЯНЕ.
С НИМИ НЕ БУДЕМ.

ДРУГ!
В РУКИ ЭТОТ ЖУРНАЛ,
ТЫ УЖЕ ГОТОВ УЗНАТЬ
ЖИЗНИ:
ДЛЯ СЧАСТЬЯ,
ДЛЯ ПОЛЁТА.
НЕСЧАСТНЫЙ?
НА СВЕТЕ ЕСТЬ ЛЮДИ,
ТОГО ЖЕ, ЧТО И ТЫ.
ЭТО БУРЖУИ.
ПОЭТОМУ ЖИТЬ МЫ
ПУСТЬ ЛЕТЯТ КУДА ХОТЯТ.

ЗИМНЯЯ ЛЮБОВЬ - 2

Вообрази!
(Джон Леннон)

Я беру уроки электротехники у приятеля-инженера. Он удивляется - зачем это мне, скромному преподавателю истории, хотя на самом деле все просто: во-первых, я, наконец, починю свой магнитофон, а, во-вторых, смогу собирать взрывные устройства. Мне один мужик в электричке рассказал. В принципе, главное - в нужный момент замкнуть

цепь. Электрическую. Ну и смыться, понятное дело, чтобы менты не замкнули на тебе наручники.

Учеба проходит достаточно успешно. Я доволен.

В последние месяцы я просто брежу террором. А как же иначе - ведь мне больше ничего не остается. Разве что суицид. Но суицид - это мне еще в пятом классе объяснили - удел слабых.

То есть баба какая-нибудь на моем месте могла бы копыта кинуть, а мне нельзя. Я езжу на работу по улице Ивана Каляева и вдохновляюсь. Два раза в день - утром и вечером.

Нет, не отговаривайте меня. Все ваши доводы - чистой воды хуйня. Я берусь доказать вам это.

Понимаете, если человек покупает "Московский комсомолец" и читает его весь, включая рекламные страницы, и все ему там в кайф, и ни искорки сомнения не загорается в его свинячьих глазках, он не достоен жить. Он все равно обречен на уничтожение. Его завтра же убьют рэкетиры. Он просто не успеет среагировать вовремя: нервные окончания растворяются в жиру, это доказано.

Какой гуманизм? Они разве думают о гуманизме, пожирая наши жизни? Случайные жертвы? Хера ли мне случайные жертвы? Почему я должен жалеть мир, который выплевывает меня; мир, который не нашел для меня в своих закромах ни любви, ни дружеских проявлений, ни толики денег, чтобы хотя бы снять проститутку или пригласить ее в кино (на "Китаянку" пришлось идти одному); мир, который отказывает мне в месте среди своих счастливых?

Начнем мы с церквей. Это понятно: уж больно попы заебали. Телевизор можно просто не включать - либо попы, либо реклама (опять же, вторые на очереди - все эти "Инфра, бля, -Арт", "Солидарность, бля, -Паблишер". Трепещите, засраны!). Видел я тут одного. Выкатывает из монастыря свою тачку "Made in Страна Восходящего Хуя", скуфеечку снимает - и за руль. Молодой такой, в соку, лет 30, с бородкой щегольской. С работы, блин, едет. "Вечер трудного дня". Целковый даю - за углом блядь в машину посадит. И то непонятно - чего тратится, чего из монастыря не прихватит. Видать, у монахинь у всех в один день месячные, по плану. И у монахов.

Убивать грешно? Дай определение греха, пожалуйста. Да, прямо на вскидку. Мнешься? То-то же. Убивать не грешно. Убивать - боязно, противно, грязно, подло, но только не грешно. Ты еще про покаяние вспомни, про "дорогу к храму". Вашим пиздежом, дорогая интеллигенция, за последние годы была вымощена дорога не к храму, а туда же, куда ведет еще одна дорога - вымощенная благими намерениями. Так что оставим это. Довольно мы намиловались. Теперь будем выбираться порознь. Но не поодиночке: человек человеку товарищ и волк. Мне - с товарищами, а тебе - с волками. И не забудь в следующий раз опять проголосовать за Ельцина - канцлером он назначит Владимира Вольфовича. А я "с волками площадей отказываюсь выть". Прощай!

Собственно, я еще никого не убил. И, даст бог, никого не убью. Не в этом цель. Это просто общество так само решило, реагирует только на потоки крови. Голодные дети новых нищих уже все глаза выплакали, но из "Мерседесов" этого не видно. И когда выходишь из "Мерседеса" и делаешь четыре шага до ресторана ("Четыре шага это примерно две секунды... Эх, черт, не успеть! Не успеть! И еще эта широкая спина телохранителя, и швейцар со своим мудацким "милости просим!" Ладно, поищем другую прореху"), то успеваешь подумать о чем угодно - о раздвинутых ногах любовницы, об ананасах, о глупом террористе, который уже запалил свою бомбу, но явно не успевает и теперь вертится там, за спиной телохранителя, тщится потушить фитилек, жжет пальцы, а менты уже кажется заметили и спешат к подъезду, но ты уже в зале, шуба сброшена на руки швейцару, люстры сияют и кругом

улыбки, бляди, леди, бляди... И ты снова думаешь о пизде любовницы и снова вкушаешь чуть слышный ее запах с усов, и запиваешь шампанским, и тебе нет дела до слезы ребенка, которой ты, впрочем, и не заметил из-за спины телохранителя, а по телевизору тебе ее не показали: последний раз ты смотрел, как твои друзья едят устриц и смешно просят у них денег господа артисты, кажется Жванецкий или Хазанов - ты путаешь этих престарелых евреев...

Убить тебя - это просто смешно. Это бессмысленно. Имя тебе - легион, а нам надо беречь силы. Именно поэтому мне больше по душе последнее дело Фракции Красной Армии - когда они взорвали свежепостроенную тюрьму. Человеческих жертв - ноль, зато все первые полосы газет и весь эфир наполнен знакомой устрашающей мелодией: "Тра-та-та-та-та-та..." И животы у таких, как ты, нет-нет, да и подведет: вы, конечно, слышали о подвигах Баадера и Майнхоф в начале семидесятых, вам делается липко от одной мысли, что пропустив вперед красивую буржуазку, вы вместо обворожительной улыбки и многообещающего "Danke!" получите улыбку же, но плотоядную и впридачу - пулю из пистолета "Беретта" М-92 калибра 9 миллиметров...

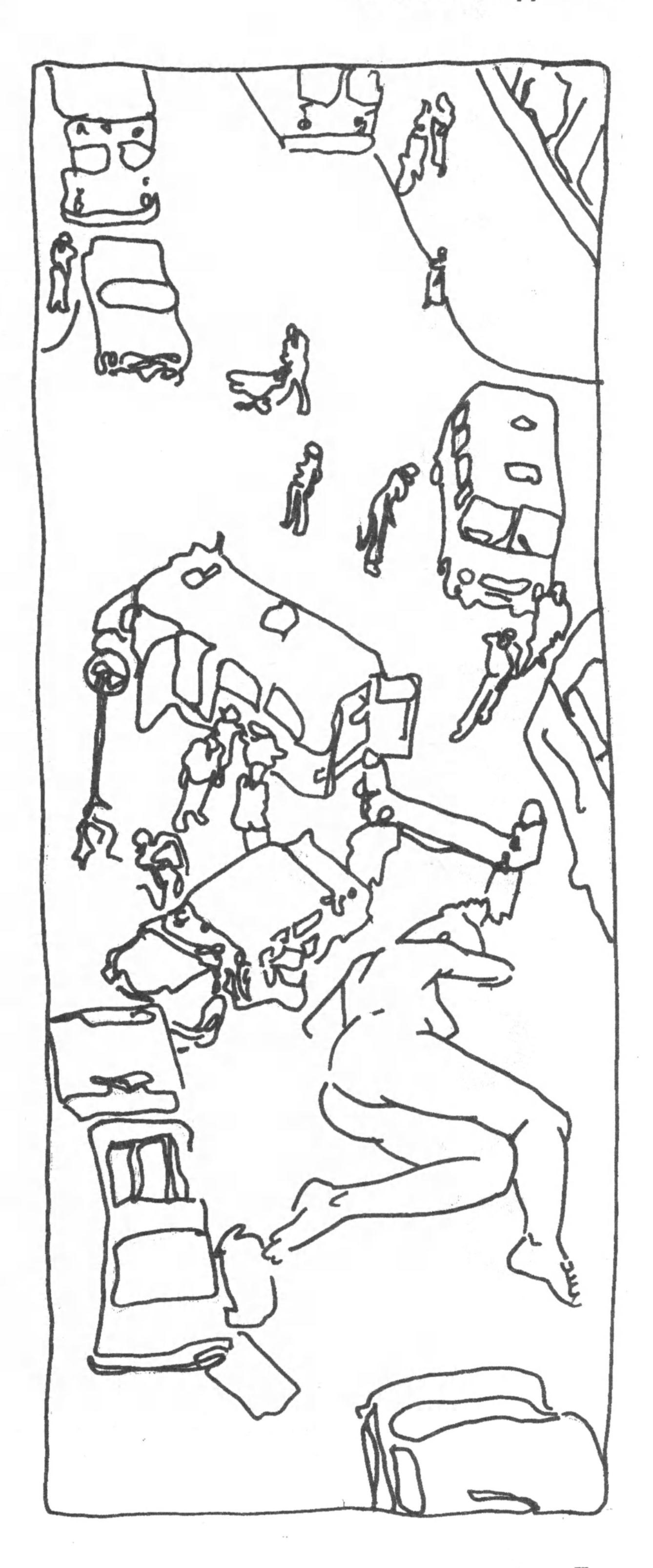
Спи спокойно, мой бывший сосед по парте, тот, кого я обнимаю на фотографии в девятом классе, тот, кто раньше стрелял у меня червонцы, а теперь завел дело, перепродал три самолета гуманитарного гнилья и хвалится передо мной своим домом-полная чаша. Спи спокойно, твой черед еще не настал, ты еще мелкая рыбешка. Но не надейся, что я дам знать по старой дружбе, когда народная расправа замахнется и на тебя. Нет, старина, ты сам говорил мне, что, кто не рискует, тот не имеет Ленок из 10 "А". Все верно. Кто не рискует... Но ведь бывают и осечки, не так ли? Одно могу тебе посоветовать: следи за революционной прессой. Я не могу сказать - просто не знаю, - у кого из них вперед зачешутся руки, но подпишись сразу на все - на троцкистов всех восьми тенденций (каждые три месяца количество тенденций удваивается), на коммунистов, на анархистов (скидки не предоставлю!) - может быть, случайно в графе объявлений 37-го номера газеты "Назад!" Фронта Освобождения Трудового Народа От Гнета Капитала и Индустриального Общества, ты найдешь небольшой текст со скромной виньеткой: "Дорогой Федя! Тетя Груша вернулась на подмостки и шлет тебе пламенный привет. Встретимся, как всегда, в центре зала", - и ты начнешь вспоминать, что имеется в виду - "Профсоюзная" или "Новые Черемушки" и тут, как раз в тот момент, когда пелена ностальгии по мезозою, лучшего из оставшихся у тебя чувств, покроет глаза твои, когда ты вспомнишь Грушу и ваши пьянки по вечерам, и как ты носил ее на плечах на демонстрации - вот тогда-то костлявая рука народного мстителя и повернет ручку адской машины, и окна вылетят с оглушительным звоном и вагоновожатый, обоссавшись, не доведет трамвай до остановки, и твой любимый "Московский Пиздорванец" дополнит еще одним квадратиком букв свою "Крииминальную хронику"...

Я не принесу венка на твою могилу. И вовсе не из классовой ненависти, просто у меня не будет денег; мне уже и сейчас не на что купить возлюбленной живой цветок. Я позвоню той самой Ленке из 10 "А" (жене твоей звонить будет несподручно, ты понимаешь, вас похоронят вместе) и напрошусь в гости, и она будет рыдать, а я буду размешивать ложечкой несуществующий сахар и говорить, что ты, конечно, любил ее (записки, кстати, сочинял я, ты-то был двоечником), но так получилось, она сама должна понять, непристижно ходить в сауну с учительницей литературы, да она бы и не согласилась, там ведь надо снимать купальник при всех, а потом я поглажу ее по голове и случайно забуду на табуретке 61-й номер "Общины" и буду сожалеть об этом, потому что, высушив слезы, она может подумать, будто я приходил ее агитировать.

К тому времени вы окончательно доебете "демократов", в том числе и "либеральных", Жирик будет сидеть в тюрьме, на трон взойдет генерал с хорошей русской фамилией, а я буду бегать, весь в испарине, по городу, прятать архивы и выпихивать остатки организации в подполье - и в этом контексте мой визит к Ленке будет выглядеть форменным идиотизмом.

Впрочем, я никогда не был предусмотрительным. Вот и сейчас не успеваю проглотить тарелку холодного супа. Я опаздываю на стрелку. Вчера я подзанял денег, пропил еще не все и сегодня иду смотреть "Детектив" в Музее кино. Он заканчивается без пятнадцати семь. Девушка уедет по делам, она меня предупредила, на второе свидание я не поеду, лучше вернусь домой и почитаю учебник: завтра у меня зачет по электротехнике.

Иван ПОМИДОРОВ

ЧТО ТАКОЕ АНАРХИЯ

Люди, как правило, любят рисовать и писать. Даже те, кто не умеет. Даже те, у кого не получается правильно держать кисточку и складывать простенькие четверостишия. В таких случаях творческая энергия часто выплескивается на стены, которые услаждают наши взоры скабрезными картинками и мудрыми высказываниями, типа "Ельцынгад!", "Жопа", "Хуй" и т.д. Но чемпионом, безусловно, является скромный символ, сочетающий в себе элементы филологии и изобразительного искусства - знаменитая "А в круге". Круг - это, конечно же, Земной Шар. С буквой тоже все просто. "А" - не только первая в алфавите, это не только традиционный вопрос лопуха и ротозея ("А?"), с этой гордой литеры начинается слово Анархия. Выходит, "А в круге" - это Анархия в мировом масштабе.

Образцом типичного восприятия анархии могут служить соответствующие песни Егора Летова. И Егор, и народ, который вскормил его своей грудью, обычно бросаются в крайности. Либо уж: "Я не верю в анархию!", либо: "Все что не анархия - то фашизм!" Истина же, как всегда, находится где-то посередине. Первое парадоксально - а чего в анархию верить - ее надо делать, устраивать. Второе - слишком категорично. Ну, все-таки не все, что не анархия, то фашизм. Хотя определенный смысл в этом, конечно, есть.

...Поп Троице-Сергиевой лавры Упырь Лихой и не ведал, переписывая в стародавние времена житие Малого Пророка Ионы из списка XI века, что оставит потомкам древнейшее на Руси упоминание слова "анархизм": "Князя судиею бывша единому колену в дни анархийные..."

Да, анархизм родился не вместе с "Гражданской Обороной" и даже не вместе с "Sex Pistols". Первым слово "анархиа" употребил древний грек Эсхил, живший в VI-V веках до нашей эры. У него оно означало без-началие, без-властие или неподвластность, независимость. Тот же Эсхил употребляет прилагательное "анархос", что означает никому не подвластный, не имеющий начальников, никем не управляемый. В этом же значении встречаются "анархиа" и "анархос" у историка Геродота и писателя Плутарха. Первым, кто извратил смысл понятия, был Софокл, у которого "анархиа" означает "беспорядок, произвол, отсутствие дисциплины". Разумеется, все государственники, угнетатели, фашисты с тех пор придерживаются расшифровки Софокла, все анархисты, борцы за свободу и справедливость - расшифровки Эсхила.

Живой классик советского анархизма конца 80-х годов Петя Рябов писал на одном из своих плакатов: "Анархия - это не хаос, а гармоничное общество свободных личностей". С тех пор эти слова вошли в легенды, энциклопедии, учебники истории.

"Анархизм, - учил вышеуказанный классик в 1989 году, - это постоянное движение личности в борьбе за ее освобождение от пут насилия, угнетения, эксплуатации, управления. Анархизм - прежде всего нравственно-философское учение, а потом уже политическое, экономическое и т.д. В центре системы ценностей анархистов - человеческая личность в ее драматическом одиноком противостоянии миру и обществу, в ее стремлении к гармонии с миром и обществом. Анархия - это не хаос и произвол индивидов, как считают государственники и обыватели, - это свобода и гармония, основанная на высокой культуре и взаимотерпимости людей, а не на насилии в различных его формах. (...)

"Политика - это искусство возможного", - любят твердить "прагматические" творцы политики, оправдывая собственную беспринципность и обвиняя анархистов в "неконструктивности". Но вспомним замечательный лозунг студентов Сорбонны 1968 года: "Будьте реалистами - требуйте невозможного!" Будем биться за абсолютную свободу - и чего-нибудь добьемся. Будем выпрашивать чуть-чуть свободы - и ничего не получим.

Окончательно сформировавшись как цельное мировоззрение в XIX веке, анархизм привлек своей гуманистической направленностью лучшие сердца человечества. Вновь и вновь, как птица Феникс, возрождается он из пепла в сочинениях, мыслях и делах самых разных теоретиков и практиков, религиозных и политических деятелей, студентов и рабочих, крестьян и матросов. Столь разные люди, как Михаил Бакунин и Лев Толстой, Петр Кропоткин и Махатма Ганди, Нестор Махно и Буэнавентура Дуррути были анархистами. Похожи ли они на тех пьяных погромщиков или утопистов-маниловцев, какими обычно представляет анархистов официальная пропаганда? Нет!

Перед анархистами почти никогда не стоит мучительный вопрос о противоречии между целями и средствами, между доктриной и образом жизни. Ведь что такое свобода или ненасилие - теория или практика? Анархизм - это и учение, и образ жизни, и теория, и практика, а точнее, состояние души в ее устремлении к свободе, это идейное, нравственно-философское движение - движение не "народных масс", но отдельных личностей, уникальных и божественно неповторимых. Когда анархизм становится чисто политическим "измом", он вырождается.

Самим фактом своего существования анархисты всегда вызывали раздражение и бешенство у власть имущих, у чиновников и солдафонов, у холопов, привыкших к безоговорочному подчинению, воспринимающих постоянное и систематическое насилие и аморальность в обществе, как норму жизни. Величие и сила анархизма - в его заведомой "неконструктивности", нонконформизме и отказе играть по беспринципным правилам игры. Анархисты не "выдавливают из себя по капле раба", не ждут, когда власть дарует еще чуточку свободы, расширит зону дозволенного, не захватывают власть, не вымаливают у нее подачек, не угрожают ей, не убегают от нее, - они стремятся ее уничтожить в принципе, как воплощенное насилие и безнравственность. И их внутреннюю свободу - свободу думать как угодно и о чем угодно, свободу говорить только то, что думаешь, думать именно то, что говоришь и делать так, как говоришь и думаешь, эту независимость от начальства, от государственных законов (не ими сочиненных), от государственных чиновников (не ими избранных), от общественных предрассудков и табу (не ими созданных), возводимых в культ и не оставляющих человеку выбора в жизни, - эту свободу и эту независимость, ограниченную лишь свободой и независимостью других людей, - у анархистов можно отнять только вместе с жизнью. Их правило: "Стал свободнее сам, - помоги стать свободнее тому, кто в этом нуждается!"

В.П. & П.Р.

АНАРХИЯ В СНГ

Песня "Анархия в СНГ" еще не написана. Но анархисты уже вовсю плодятся и размножаются. Всех разновидностей современного анархизма не описать в одной заметке. Перечислим хотя бы некоторые.

Начнем с Запада. Новое литовское государство, как и всякое государство, стремится к тотальной регламентации жизни. Распоясавшиеся политики дошли до того, что единственной формой объединения людей, не нуждающейся в государственной регистрации, является в Литовской республике... хор. "Ха!" - подумали анархисты и создали ХА - Хор Анархистов. Участники хора - люди веселые. Перед последними выборами они не стали, подобно своим друзьям-москвичам цитировать Маяковского ("Будьте культурны - плюйте в урны!"), а просто дали в газетах объявление, что набирают сторонников в избирательный список "220" (не по числу вольт в электросети, а по числу копеек в советской еще цене вареной колбасы). И хотя в бюллетенях такого списка не существовало, около 1000 человек только в Шяуляе выразили готовность поддержать его. Чуть позже один из местных журналистов, сочувствующих анархизму, написал в своей статье, что литовское государство гниет. Против него возбудили уголовное дело за антигосударственную пропаганду. Тогда анархисты (участники хора) организовали поход по наиболее мрачным закоулкам, подвалам и лестничным пролетам госучреждений и собрали немало фактов, подтверждающих гниение литовского государства - где помойка не убрана, где плесень на стенах...

До сих пор анархисты показывали себя приверженцами ненасильственных акций. Но это не значит, что они прячутся от ментов и избегают опасностей. В день несправедливого осуждения анархо-панков Параши и Зеленого ("дело Родионова-Кузнецова"), 10 февраля 1992 года, московские анархисты всех направлений и из всех восьми существовавших на тот момент групп заблокировали движение на улице Горького напротив мэрии и Моссовета, требуя пересмотра судебного решения. В блокаде участвовали и панки, и серьезные очкарики-аспиранты: солидарность - это великая сила! Потом были блокады прокуратуры, на которые приезжали анархисты со всей европейской части СССР, митинги, демонстрации. После месяца кампании протеста Парашу и Зеленого (Родионова-Кузнецова) выпустили из тюрьмы...

В том же 92-м в Липецке, во время протестов против строительства экологически опасного российско-шведского завода, анархисты, приехавшие из разных городов, захватили кабинет главы областной администрации и поменяли "ельцинский матрас" на флагштоке на черное знамя Анархии. Держались два с половиной часа. А выкуривать их власти прислали бригаду по борьбе с терроризмом. Через год в Череповце анархисты и радикадьные "зеленые" задержали директора Череповецкого металлургического комбината Липухина в его собственном кабинете, неожиданно войдя туда и завязав изнутри дверь веревкой. "Всесильный" хозяин комбината и города, Липухин несколько дней отказывался выслушивать требования анархистов, а тут волей-неволей пришлось...

Выдумка и находчивость никогда не изменяли приверженцам Анархии. Так, весной далекого 1988 года московским оппозиционерам никак не удавалось собраться на улице - винтили через пять, через три, через две минуты. Анархисты смекнули: менты умеют винтить митинги и пикеты, но еще не научились ловить демонстрации. Этим они вместе с союзной группой "Гражданское достоинство" и воспользовались, проведя 28 мая 1988 г. первую после похорон Кропоткина в 1921 году крупную демонстрацию под черным флагом (от Большого театра до здания "Известий" на Пушкинской).

Вообще, демонстраций всяких было много - серьезных и не очень. Требовали свободы слова и собраний (раньше их не было) - всерьез; требовали прекратить произвол и наказать убийц, расстреливавших безоружные толпы в Тбилиси, Баку, Вильнюсе, давивших людей танками в Пекине на площади Тяньаньмынь (тоже всерьез); требовали, пройдя по главным улицам Хабаровска, "Права человека - морским ежикам!" (уже не всерьез); выдвигали кандидата от Партии московской колбасы (шутка); призывали (еще в 1991-м, по весне) канонизировать и возвести на царский престол дорогого нашего и любимого Бориса Николаевича Ельцина (сами догадайтесь)...

Еще анархисты любят делиться на направления и издавать идеологическую периодику. Анархо-синдикалисты (первые, кто организационно проклюнулся в Союзе, году еще в 86-87-м) создали Конфедерацию анархо-синдикалистов. Они продолжают издание журнала "Община", оснванного еще в 1877 году, делают небольшую молодежную газетку "Воля" и принимают активное участие в выпуске ВУГЛУСКРа, основанного на конспиративной квартире 6 ноября 1993 года. На демонстрации выходят под черно-красным (по диагонали) флагом и черным флагом с красной пятиконечной звездой, носят черно-красные значки с надписью "КАС". Анархо-коммунисты объединены в Федерацию революционных анархистов. Выпускают журнал "Черная звезда". На демонстрации ходят под "черно-кошечным" флагом. Анархо-индивидуалисты ни во что не объединены, но чувство общеанархической солидарности присуще им не меньше, чем другим. Замечены в издании газеты "Новый Свет" и постоянном тусовании у забора вдоль Гостиного двора в Питере. Всех анархистов в целом, в том числе и анархо-"зеленых" (журнал "Третий путь", газета "Хранители Радуги" и др. издания) старается объединить Ассоциация движений анархистов. Но всех пока не получается и, видимо, не получится никогда - анархисты ведь...

Кроме того, в последние годы анархисты закрывали опасные химические заводы и ядерные реакторы, блокировали ГСП и здания Министерства обороны, выступая против призыва в армию, устраивали забастовки в институтах и на предприятиях, создавали профсоюзы, газеты и рок-клубы, а также пели, плясали, пили водку, бросали пить водку - словом, жили как и все нормальные люди. Но при этом - не забывали, что они настоящие анархисты и потому, в отличие от Егора Летова, всегда будут против.

Ив. П.

СЛАВА ГЕРОЯМ!

КРОНШТАДТ, 1921

Товарищ! Выбрось на помойку учебники истории. Написанные подлыми и трусливыми государственниками, они насквозь лживы. Читать такие учебники - все равно, что смотреть телевизор - только отравишься и голова будет болеть. Лучше гляди сюда. Мы расскажем тебе, как там все было на самом деле.

Перед пушками, как на парад
Встали те, кто у Зимнего выжил.
Расстреляли мятежный Кронштадт,
Как когда-то Коммуну в Париже.

(Из песни)

Сейчас повсеместно господствует мнение, что выбор, перед которым во время Великой Революции 1917-21 годов стояла наша страна, сводился к нехитрой дилемме: или Ленин - или Корнилов (Колчак, Деникин, Врангель), или белые - или красные. А значит: или большевистская диктатура с ее продразверсткой и чрезвычайкой, или - белогвардейская диктатура с возможной реставрацией самодержавных порядков. Выбор между этими двумя вариантами, как говорится, - дело вкуса.

Но так ли было на самом деле?

В то время как белые и красные самодержцы делили между собой Россию, "наивные" рабочие и крестьяне пытались в аду гражданской войны претворить в жизнь изначальные цели революции: послав к черту всех паразитов и начальников, самим распоряжаться на своей земле, на своих заводах и фабриках. Движение это носило характер стихийный, беспартийный, неорганизованный - но тем тяжелее было сломить его всевозможным диктаторам.

Последний аккорд Великой российской Революции относится к весне 21-го года. К этому времени с белым движением было покончено, интервенты (кроме японцев на Дальнем Востоке) убрались восвояси, пламя гражданской войны затухало. Победители-большевики оказались один на один с неуспокоенным и в значительной своей части вооруженным народом. Если раньше комиссары в Кремле могли хоть как-то объяснять населению новую рекрутчину, чрезвычайки, госмонополию на все, принудительные трудовые армии и прочие "прелести" своего режима борьбой с контрреволюцией и Антантой, с недобитыми помещиками и капиталистами, то теперь такие объяснения вызывали в народе только все возрастающую враждебность. Условно и с оговорками поддерживавшие до того момента большевиков социалисты: эсеры, меньшевики и анархисты, не везде еще выкорчеванные с корнем ведомством Дзержинского, также требовали демократизации режима, допущения многопартийности и свободы торговли, восстановления подлинно советской системы и независимых от парткомов профсоюзов. Конечно, такие "контрреволюционные" призывы пресекались соратниками Железного Феликса. Но самым неприятным было то, что смута проникла и внуть самой правящей партии. Накануне X съезда в РКП (б) подняли голову всяческие "уклоны" и "оппозиции", требовавшие большей независимости профсоюзов и хоть каких-то элементов самоуправления на производстве.

Все ярче разгоралось пламя сразу трех крестьянских войн: в Западной Сибири, на Украине (махновщина) и в Тамбовской губернии (антоновское восстание). Везде карательных отрядов уже не хватало. Брожение проникло и в те слои населения, котрые всю дорогу покорно следовали за Лениным и его соратниками: солдаты вели "контрреволюционные разговоры" и начинали в массовом порядке дезертировать из частей, рабочие московских и питерских заводов, еще не остановившихся от экономических неурядиц, поднялись на забастовки. Вершиной этого общенародного движения за свободу, против гнета партийного чиновничества, явилось восстание в Кронштадте - сердце и главном оплоте Революции.

Прелюдией к кронштадтскому восстанию явилось выступление питерских рабочих в феврале 1921 г. Сперва то здесь, то там по заводам Петрограда пошли "волынки" (тихий саботаж), а потом начались и массовые открытые выступления: забастовки, демонстрации, принятие петиций и резолюций с "контрреволюционными" и "антисоветскими" требованиями: свобода торговли и ликвидация заградительных отрядов, отмена продразверстки и трудовых армий, проведение свободных выборов в Советы и легализация всех социалистических партий, "Советы без Совнаркома" (децентрализация власти)... Солдаты, брошенные на разгон демонстраций, разоружались и переходили на сторону рабочих. И только "красные курсанты" рассеивали "бунтовщиков". В стихийных волнениях участвовали тысячи людей; встали завод "Арсенал", многие цеха Обуховского и Путиловского. Массовыми арестами, а также частичным выполнением экономических требований Ленину и его команде удалось сбить волну рабочих выступлений. Но эхо питерских забастовок и демонстраций отозвалось в Кронштадте.

25 и 27 февраля на линкорах "Севастополь" и "Петропавловск" состоялись собрания экипажей, направившие свои делегации в Питер - узнать о требованиях рабочих и о характере их выступлений. 1 марта на Якорной площади Кронштадта прошел двенадцатитысячный митинг моряков. Единодушно была принята резолюция все с теми же требованиями: отмена продразверстки; свобода торговли; свобода социалистических партий и союзов; власть Советам, а не партиям. На сторону восставших перешло большинство кронштадтских коммунистов. В тот же день был образован Временный революционный комитет (ВРК) Кронштадта, который взял под контроль флот и город, начал передавать в эфир требования повстанцев. Ежедневно выходила газета "Известия ВРК", пропагандировавшая идеи "третьей революции", в другие города и части были направлены повстанцы с целью изложить требования кронштадтцев и предложить присоединяться к ним. Восставших возглавил анархист Степан Максимович Петриченко из команды линкора "Петропавловск".

Восставшие моряки делали все, чтобы избежать кровопролития: почти никто из комиссаров и коммунистов даже не был арестован. Кронштадтское выступление было совершенно спонтанным (в числе его вождей почти не было ни эсеров с меньшевиками, ни, тем более, царских генералов, как утверждали коммунистические газеты) и поразительно организованным: революционные матросы выступили не за свои сиюминутные "колбасные, шкурные" интересы, а из солидарности с питерскими рабочими, ощущая свою ответственность за судьбу всей Революции; они организовались единодушно и быстро: все вопросы решали делегаты, избранные от частей.

После короткого шока большевики в Петрограде начали действовать: 5 марта мятежникам предъявили ультиматум с требованием сдаться, а 7-го был предпринят первый, неудачный штурм Кронштадта по льду, отраженный огнем с кораблей и фортов крепости. Стянутые на скорую руку под Кронштадт части оказались ненадежными: 14 марта два полка 27 Омской дивизии отказались идти на штурм. Но большевики бросили сюда все силы: большая группа делегатов X съезда РКП (б) во главе с Ворошиловым прибыла для участия в штурме, ненадежные части были расформированы, а колеблющиеся бойцы расстреливались на месте. Также расстреливались и агитаторы из Кронштадта. Большевистские вожди хорошо понимали всю опасность примера Кронштадта, его лозунгов для своей диктатуры. Восстание должно было быть подавлено любой ценой. "Это была исключительная по своему напряжению борьба. Прежде, чем мы вступили в нее, пришлось вести еще более серьезную борьбу за свои красноармейские части", - признавался впоследствии "первый красный офицер". За кронштадтцев было лишь стихийное настроение народа, против - вся мощь большевистской машины государственного подавления, жестокой, решительной и беспринципной.

Кронштадт голодал, внутри крепости некоторые большевики, оставшиеся на свободе, совершали диверсии и шпионили. Решающий штурм начался 17 марта, а 18-го, в пятидесятую годовщину начала Парижской Коммуны, город был взят. Наступавшим частям приходилось брать буквально дом за домом, стирая огнем тяжелых орудий с лица земли очаги сопротивления. 25 самолетов непрерывно бомбили город. Поняв, что дальнейшая борьба безнадежна, часть повстанцев с оружием в руках пробилась на территорию Финляндии. Остальных расстреливали без суда. Кронштадтское восстание, последний аккорд Великой Революции, - было подавлено.

Все главные экономические требования повстанцев были выполнены коммунистической Властью, введшей НЭП и сохранившей за собой все политические рычаги, чтобы, опираясь на них, спустя 8 лет

совершить "великий перелом", загнав крестьян в колхозно-государственное рабство.

Кронштадт показал большевикам, как близко стоят они от пропасти, как опасен диктаторам вооруженный и непокорный народ, жаждущий свободы и готовый сам решать свою судьбу. Кронштадт, напомнивший в 1921 году, в конце Революции, о ее изначальных целях, показал, какой могла бы быть Россия, не перехвати в 17-м историческую инициативу узурпаторы-большевики. Народное самоуправление, производственная демократия, децентрализация, полная политическая и экономическая свобода, отказ от самодержавных и буржуазных порядков, - свободное социалистическое общество без господ и генералов, без помещиков и комиссаров... Прав был Ильич: Кронштадт, антоновщина, махновщина были куда опаснее для большевиков, чем Колчак с Деникиным, а для Колчака и Деникина - куда страшнее, чем Троцкий и Ленин.

Петр РЯБОВ

ВОПРОСЫ ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ:

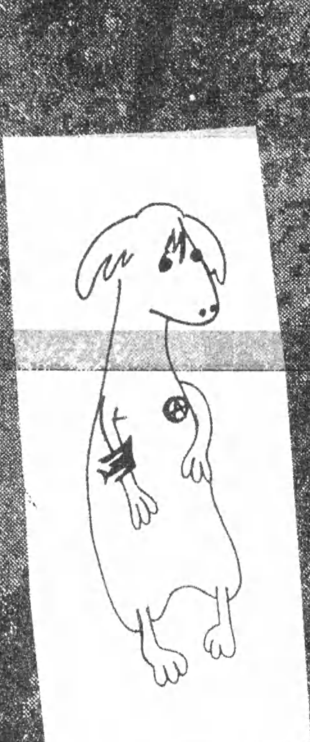
1. Почему банда Ельцина, трусливо обманув народные массы разговорами о скорых успехах рыночных реформ, перед лицом их краха пошла даже на стрельбу из танков в центре Москвы?

2. Почему новая буржуазия, захватив прежде всего средства массовой информации, насаждает нам свои "истинные ценности" с такой наглостью и презрением к нашим проблемам?

3. Почему твой сосед дядя Вася жрет ханку круглые сутки, вместо того, чтобы объединиться с мужиками в боевой синдикалистский профсоюз и добиться от дирекции завода и от властей самоуправления, а через него - повышения зарплаты и снижения цен?

4. Собираешься ли ты быть таким же мудаком, как дядя Вася?

НОВАЯ МЕКСИКАНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Что такое демократия? Демократия - это, конечно, не анархия, но все же такой строй, при котором народ может как-то влиять на управляющую им власть посредством периодических выборов. Но если при наличии многих кандидатов всегда побеждает кандидат заранее известный (а если не побеждает, то все равно побеждает, потому что проводят выборы его лучшие друзья)? А если даже победит другой, то это ничего не изменит - так же полиция будет избивать людей, так же будут грабить и жировать "предприниматели", и все так же те, кто слишком много знает или чересчур рьяно требует справедливости, будут без шума исчезать навсегда.

Это - Мексика. Страна телесериалов и дешевой рабочей силы, где, казалось, навсегда потухли угли великой революции 1910-1917 годов. У власти спрут - партия с непроизносимым названием Институционно-Революционная (ИРП). Да, это не диктатура! Есть парламент, есть оппозиция, есть даже какая-то не вполне зависимая пресса - и это можно себе позволить, если вся остальная печать, телевидение и радио, банки и промышленность, профсоюзы, полиция и армия прямо или косвенно контролируются государством, то есть партией, или наоборот (ИРП так давно правит, что стала забывать, где структуры партийные, где государственные). И, заметьте - никаких репрессий... ну, разве что чуть-чуть, да и давно, в 60-х... При такой райской жизни мексиканский режим вполне заслуженно прослыл супердемократическим, каждый раз шагая в ногу со временем - раньше поддерживал сандинистов и поругивал Вашингтон, а теперь решил влезть в "зону свободной торговли" северного Старшего Брата - подписал соглашение NAFTA, которое должно было вступить в действие 1 января 1994 года. Еще немного, мечтала мексиканская элита, и мы уплывем навсегда из этой жуткой Латинской Америки, где мятежи и холера, к благословенным империалистическим берегам, где и мерседесы лакированнее, и кока-кола наваристей... Правда, за все надо платить, ну так и заплатим! Мексика - страна не из бедных, вот ею и расплатимся.

Но ведь не вышло! Не вышло, потому что в ночь на 1 января из тропических лесов южного штата Чьяпас партизанские колонны - материализация кошмарных снов всех властей - двинулись на штурм городов. Армия национального освобождения имени Сапаты (EZLN) прогремела на весь мир. В то время, когда уставшие и деморализованные повстанческие движения в других странах вступают в переговоры с государством и складывают оружие, в Мексике, в сонной "демократической" Мексике появляется мощнейшая боевая организация, насчитывающая тысячи бойцов! Буржуи явно поторопились отправить герилью в те же учебники истории, где, казалось, уже давно навеки почил крестьянский революционер Эмилиано Сапата.

Вместе с партизанами в атаку шли крестьяне-индейцы. Рни знали, за что сражаются - за свою землю, за право говорить на своем языке и называться индейцем, а не мексиканцем, за школы и больницы для своих детей, за человеческое достоинство, за то, чтобы больше ни перед полицейским, ни перед партийным боссом, ни перед плантатором не снимать шляпу и не становиться на колени; словом, за свободу. За свободу они шли в бой в горячие недели января 94-го, и называли ее социализмом.

Конечно, правительственная армия отвоевала все города в Чьяпасе, но не в этом дело. Сам факт вооруженного восстания после десятилетий "благополучия" и "стабильности" заставил власти запаниковать, а народ - проснуться. По стране прокатилась волна демонстраций солидарности с сапатистами, и не только демонстраций - в Мехико и Акапулько взрывались бомбы, в центральных штатах происходили стычки повтанцев с военными, на Севере заявил о своем существовании Фронт имени Панчо Вильи - другого героя мексиканской революции. Если бы правительство президента Салинаса продолжало пытаться силой подавить выступления народа, оно столкнулось бы с общемексиканским восстанием; поэтому Салинас запросил мира. Партизаны тоже понимали, что военная победа под боком у США невозможна, другое дело - политическая. Ее сапатисты одержали, сорвав ввод в действие соглашения NAFTA, а потом, в марте, добившись от правительства удовлетворения всех своих требований. Теперь в Чьяпасе существует "свободная зона" - прообраз той автономии, которой повстанцы добивались для всех индейских районов. Здесь под охраной EZLN происходит передел земли и имущества в пользу бедняков, возникла система самоуправления.

После январского восстания правительство обнаружило, что первичные "демократические" декорации (пресса, профсоюзы и т.д.) под давлением народного движения против власти ИРП стали вдруг наполняться новым содержанием. Правда, на президентских выборах в августе вновь выиграл кандидат правящей партии (оппозиция считает, что результаты вновь подтасовали), но Мексика уже не будет прежней. Возврата к мертвой "стабильности" нет; об этом говорит и возросшая активность рабочих и крестьянских организаций, и серия политических убийств (результат разногласий внутри правящей клики), потрясших страну.

Несколько лет назад в Мексике не было никакой мало-мальски революционной борьбы, но теперь она есть и можно сказать: БОРЬБА ПРОДОЛЖАЕТСЯ!

Мустафа

Рассказ

Еще в детстве, когда старушки спрашивали меня: "А кем ты хочешь быть, Сашенька?", я отвечал: "Преступником или милиционером!" Эти люди, как я знал по фильмам, были людьми вооруженными, а мне с детства хотелось иметь оружие. Я даже читал именно те книжки и смотрел именно те фильмы, в которых действовали вооруженные люди. Я представлял себя героем именно таких книжек и фильмов.

Особенно любил я Гойко Митича: он все время появлялся на экране с винчестером, отобранным у белых, и палил из него.

Еще любил я ходить в музей Советской Армии. Любовался пистолетами. Там были - советские, трофейные. Учился разбираться в системах.

Но вот я вырос, но ни преступником, ни милиционером не стал, предав, может быть, в какой-то степени, свою мечту. Причина в том, что я имел интеллигентное окружение. Родители, друзья - все, в общем, благополучные ИТРы.

Правда, в армии мой сержант говорил про меня: "Что вы за него заступаетесь! Маргорин - это преступник, ему надо сидеть в тюрьме!" Потому, что я плохо служил. Меня даже не назначали в караул, чтобы не давать мне в руки заряженное оружие. Боялись, что я расстреляю своих товарищей или застрелюсь сам. Но я не огорчался, потому что этот СКС, дура такая 4 кг весом, мне не был интересен. В кино, обычно, вс± выхватывают, а тут и не выхватишь... Четыре кило... И некрасивый.

Короче, шли годы. Стал я, почему-то, художником. И вот, дожил до тридцати, и вдруг, жизнь - вижу - изменилась. Стала жизнь просто кишеть оружием! У всех вокруг оно есть: у чеченцев - есть, у казаков - есть, у милиции - есть, у бизнесменов, охранников, коммунистов, фашистов... Получается, что оружия нет только у меня, а ведь я его всю жизнь хотел... Можно купить, хотя бы - газовое, но денег нет, а зарабатывать скучно и противно, в общем-то.

Теперь уже я, вроде, взрослый, и непонятно: зачем оно, оружие? Никто на меня не нападает, никто не угрожает. Люди, меня окружающие по жизни, говорят: "Зачем тебе пистолет! Может, у тебя есть обувь недраная? Может, у тебя есть одежда? Инструменты? Студия? Ты заплатил за квартиру и за телефон?"

Я понимаю, они правы. Пистолет для меня не необходимость, но, на самом деле, некий символ... сакральный предмет. Если у меня сейчас появится пистолет, то я его, конечно, положу в стол. Ну, может быть, поеду за город - попробовать. Но это западло - иметь оружие и не стрелять из него! Это - онанизм.

Я должен стать нужным пистолету, чтобы он сам ко мне пришел, бесплатно. Может быть, как указание дальнейшего пути. А пока я не стал таким человеком, покупать оружие за деньги - не буду. Лучше помогу тем, кому действительно нужно оружие.

23 ноября 1994 года

Записано со слов
Саши МАРГОРИНА

ЯМАЛ

Повезло с погодой, думает сумасшедший. Дождь, ветер, а потом колючий снег - настоящее ноябрьское ненастье, да только здесь всего-то середина сентября. Ветер в лицо, и голову приходится нагибать низко, еще ниже, чтобы не выцарапало глаза, а глаза ой как нужны, им еще долго смотреть на тундру, намечая путь среди озер и болот, но пока трудятся ноги, погружая сапоги в чавкающий мох. Хуже было ночью, сейчас, наконец, рассвело и сумасшедший смог рассмотреть безрадостную холмистую равнину, отделяющую его от побережья.

Ветер ослаб, кончился снег, белой крупой усыпав травы и мхи. Днем растает, дни стоят еще теплые. Сумасшедший перешел мелкий ручей, и, выбравшись на противоположный берег, позволил себе передохнуть - присел возле старого кострища. Видимо, была стоянка ненцев - оленеводы проходят здесь дважды в год, летом на север, осенью к югу.

Тундру, о которой столько поют под гитару у костров в лесах средней полосы, сумасшедший ненавидел. Конечно, она красива, особенно осенью. Многим нравится, а ему нет. Дело не в холоде. Дело в том, кто как сюда попадает, а он попал не по своей воле. Потому и сошел с ума.

Тишина. Когда идешь, нормально, сапоги хлюпают, слышно собственное дыхание - облаком пар изо рта - но стоит остановиться, аморфной слепой тушей наваливается тишина. Тишина мерзлого пустого пространства, мягко пружинящего под стопой, как будто там застыла в ожидании вязкая могила трясины. Каждый шаг - над бездной, это для сумасшедшего не метафора. Мох лесов другой, в лесу деревья - друзья, твердые, надежные, а здесь они ниже травы: видишь, береза - несколько прутиков с мелкими листьями. Здесь все иначе, когда проваливается под ногой податливая кочка, а вокруг на десятки километров никого. А те, что есть, хуже трясины.

Короток привал, надо спешить. В животе урчит, но сумасшедший привык к голоду в последние месяцы. Да, вот за это можно им спасибо сказать. Банки тушенки и хлеб в вещмешке могут лежать спокойно, эта тяжесть уменьшится только в полдень, если все пойдет по плану. Остальное - шинель в скатке, гражданский нож на ремне, фляга - сохранится до конца. До юга. До Урала. До лесов. "Да ты просто псих", - сказал ему друг, который его предал. Сволочь. Ладно, отдых окончен, пошел.

Море блеснуло после следующей гряды холмов широкой молочной полосой вдоль горизонта. Через полчаса сумасшедший остановился над пляжем, осмотрелся, спрыгнул в ближайший ручей и, шлепая хорошо смазанными сапогами по руслу, вышел на осушку - асфальтовую твердь плотного сырого песка, только что оставленную морем. Время отлива. Он осторожничал, опасаясь отпечатков своих подошв, хотя через час их все равно задует ветром. Но сверху его на пляже отлично видно: серо- зеленая фигурка у грязной ломаной линии прибоя. Он надеялся, что вертолет не взлетит; если взлетит - пройдет стороной; если нет - он сможет его вовремя услышать и спрятаться. Чтобы лучше слышать, он снял шапку, сунул ее за пазуху бушлата и побежал.

Он легко вошел в ритм, он бежал размеренно, как по дорожке стадиона, как по хрустящему гравию аллей летним солнечным утром вдоль синей реки. Он не спал ночь и ничего не ел с вечера, но усталости не чувствовал. Может быть, от холода и страха. Может оттого, что этот бег выбрал он сам. Не в колонне под тяжестью оружия, в духоте противогаза, под мат похмельного прапорщика, которого и самого гонит та же безличная сила. Он выбрал свой бег, но для этого понадобилось сойти с ума.

На осушке лежали водоросли, щепки, небольшие раковины, в мусоре ковырялись чайки, взлетали, крича, при приближении человека, скользили в тучах белыми крестами. Берег слева менялся: то желтые песчаные откосы, то серые глиняные; в волнобойные ниши у основания намело сугробы ночного снега, то черные торфяные, с торчащими из-под оползней стволами доледниковых деревьев, то подходила к самому пляжу бурая плоскость прибрежных лугов. Справа было серое, суровое, малоподвижное море, вялые бугры волн, клочья пены, светлый горизонт под тучами. Пляж классный. Если море подогреть, будет курорт круче Крыма. Отгородить дамбой, сунуть под воду реактор, и греби валюту. Сумасшедший усмехается. Слышал, что разные греки вынашивали гениальные мысли в движении, а у меня вот, всякая чушь в голову лезет.

Впереди, там, где пляж сливается с низиной, два ярко-белых пятна. Тормози, "сбережешь секунду - потеряешь жизнь". Не все на Севере видели белых медведей, но всякий наслышан об их дурных манерах. В августе приплыл один по морю, хотя и не сезон. Часть сидела на территории, сержанты хотели завалить, но - охота запрещена. Отогнали очередями в воздух. Сержанты в сушилке потом долго обсуждали размер лап и площадь шкуры, если бы повесить ее на стену.

Человек остановился. Дыхание рвалось наружу, бухало сердце. От него, говорят, не убежишь, скорость такая махина на коротких дистанциях развивает больше, чем Карл Льюис... Шевельнулось... Одно и второе... Взлетели, пошли над тундрой... Полярные совы, черт бы их побрал!

Около полудня сильно потеплело, тучи стали выше, хотя дождь моросил, не переставая. Сумасшедший издали заметил метеостанцию на высоком берегу - несколько балков, высокий шест с флюгером. Там смена. Кто знает, что за люди, вооружены, а может, и собаки у них есть... Никому здесь верить нельзя, если хочешь выжить. Если хочешь дойти - верь только себе. В обход.

Уклоняясь в тундру, сумасшедший долго брел по топким лугам, изъеденным, словно короеды грызли, озерками и лужами самой разнообразной формы. Вышел к реке. Какая-нибудь "яха", все они тут "яхи", как в Мексике "рио". Реку пришлось переплыть, раздевшись на ветру. Не очень приятно, но есть вещи и похуже. После такой потери тепла он просто обязан был поесть. Набрал плавника вдоль берега, расколол ножом, сложил костер. Разогретая тушенка, хлеб, речная вода. "Перекур" - понятие условное, обозначает краткий отдых. Он никогда не курил, хотя в последнее время задумывался, а не проще ли закурить? Не лучше ли вообще просто делать то, что от тебя хотят? Но его с самого начала сочли ненормальным, и он лишь подтвердил свою репутацию. Теперь - беги, сумасшедший, нет у тебя другой дороги.

Он неплохо подготовился, правда, не смог достать даже самой ерундовой карты. Карту он видел, но давно, когда еще не все с ним было ясно. Он помнил только контур береговой линии и несколько больших рек, по-настоящему больших, через которые ему прдстоит переправиться по пути на юг. А юг - это свобода. Свобода там, где можно выйти из-за стен, смеяться, двигаться, дышать, свобода там, где есть дом, где вообще есть дома, а не ящики-балки, не казенные бараки на сваях, упирающихся в вечную мерзлоту. Туда надо дойти наперекор тундре, вертолетам, болотам,

чайкам, кочевникам, метеостанциям, наперекор всему этому тоскливому краю.

Поднявшись по склону речной долины, он подумал, как все же хорошо идти вдоль моря. Здесь болото, кочки, осока и разумеется никаких троп. А море - мой единственный компас. Он пошел вниз по реке. Метеостанция уже не казалась ему опасной, чувство страха притупили еда и усталость. Он не собирался подходить близко, просто ему захотелось увидеть, как живут здесь люди. Увидеть людей.

Тундру от станции отделял ручей. До жилых балков отсюда метров двести, а всякий технический хлам, ржавые трубы, корпуса вездеходов, металлические бочки - вот они, рукой подать. В приземистом сарае, от которого к балкам тянутся провода, тарахтит дизель. На пустыре перед станцией воткнуты в землю четыре флажка, когда-то красные, а теперь белые скорее. Посадочная площадка.

Тарахтение дизеля на первых порах съело шум двигателей вертолета и это, наверное, спасло сумасшедшего - он не успел пошевелиться, броситься прочь, превратившись в отчетливо различимую движущуюся мишень, не успел сообразить, почему звук приблизился, удвоился, а лишь поднял голову и увидел, как из облаков вывалилась гигантская крылатая сигара МИ-6, проскользнула, грохоча, над ручьем, над свалкой, и зависла напротив станции. Упав за кочки, вжавшись в мокрую траву, сумасшедший смотрел, как сорвало воздушным потоком выцветшие флажки, как подхватило и понесло какие-то палки, куски рубероида, швырнуло о стенку сарая черного пса, отважно бросившегося навстречу небесному чудовищу. Три человека, выскочившие из балка, стояли у двери как приклеенные и, казалось, не могли сделать и шага.

Приземлившись, вертолет сбавил обороты, но двигатели не выключил, поэтому последующая сцена, лишенная осмысленного звука, выглядела для сумасшедшего немым кино. Из люка скинули трап, по трапу слез, придерживая фуражку, офицер в полевой форме, а следом пружинисто, спортивно спрыгнули трое автоматчиков. Офицер подошел к полярникам, те, выслушав, отрицательно замотали головами. Автоматчики неторопливым, как бы прогулочным шагом тоже попытались приблизиться к станции. Положительный персонаж, черный пес, бросился на одного из них, тот отскочил, вскрикнув, и офицер, отвлекшись от беседы, махнул рукой - отходи. Офицер вынул что-то из кармана и передал полярнику. Отсюда не видно, что, но догадаться несложно - фотография. Из личного дела. Анфас.

Кино, а я главный герой, пока, к счастью, за кадром. А им ведь нужен только труп, - думает сумасшедший, лежа в двухстах метрах от черных стволов трех автоматов, уходящих, не найдя его. Ускорилось вращение грандиозных винтов, обрубающих кубометры тумана с дождевой пылью, вертолет подпрыгивает вверх и, продолжая набор высоты, уходит в сторону моря. В конце-концов, только тело, вспоминает он, наслаждаясь теплом, легкостью, безопасностью, ощущением жизни и даже свободы, хотя на самом деле здесь никакая не свобода. Здесь необходимость. Тело, запаянное в цинковый гроб. Любой бы сошел, хоть ненец, хоть полярник. Не стоит об этом. Об этом потом, на юге, теплыми ночами, в ходе любования иллюминацией кораблей на рейде. Все, пошел.

Он побежал, пригибаясь, чтобы не заметили со станции - еще вздумают рассматривать в бинокль... Потом долго блуждал по оврагам, слезал вниз, срывая каблуками моховой покров, взбегал на противоположный борт, спускался в следующий. Показалось - потерял направление. Испугавшись, он поднялся на водораздел и убедился, что море совсем рядом. Над морем уже сияло солнце, грузные тучи уползали на восток. Головой он тучи пожалел, но душа радовалась. Давно не видел солнца.

Сухие холмы были здесь срезаны тридцатиметровыми песчаными обрывами. Сумасшедший шел по самой бровке, вдыхая ветер, разглядывая морскую даль. День был в разгаре. Хороший день для чаек, оленей и песцов. Для него - посмотрим.

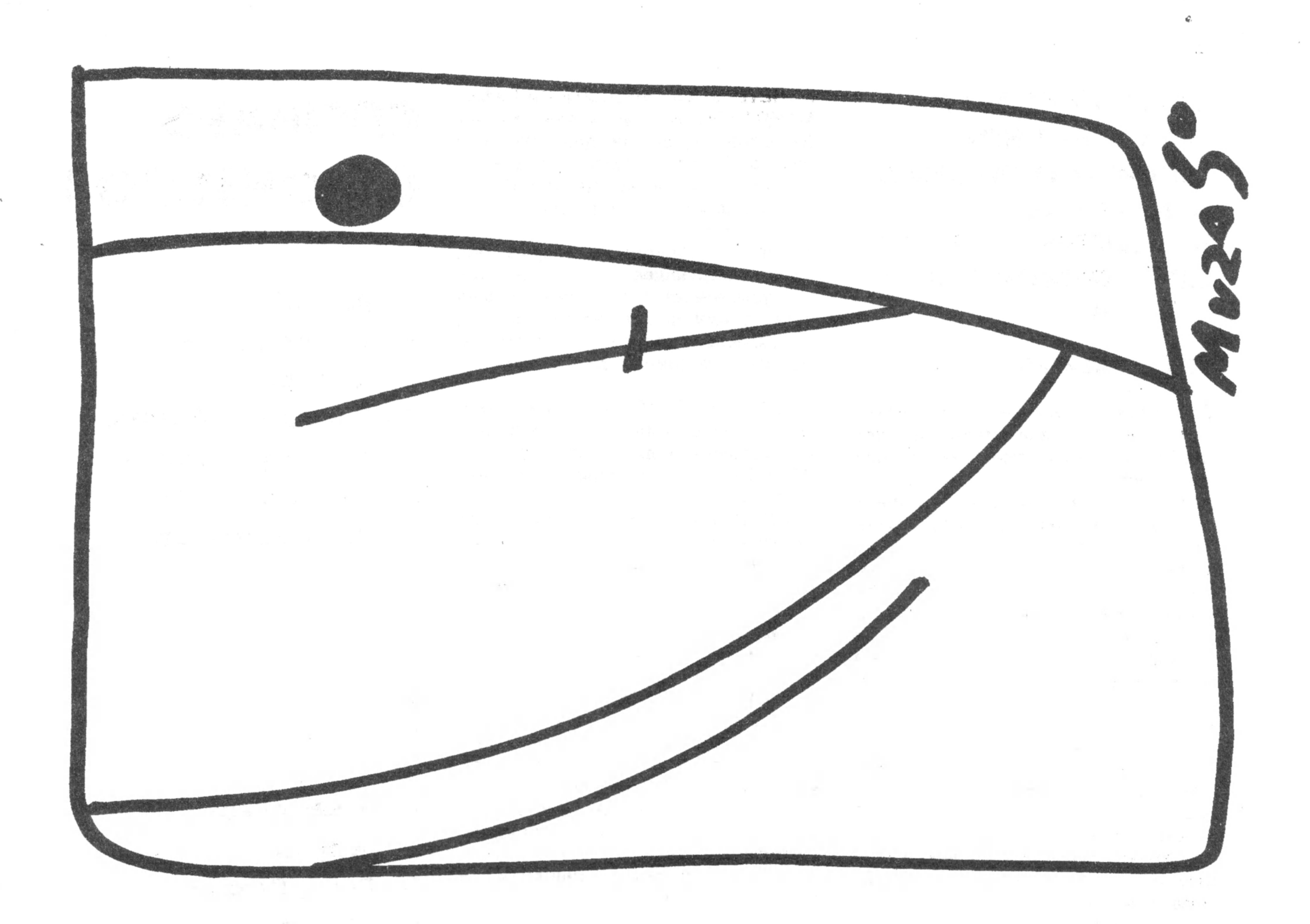
Тяжело волочить сапоги по мягкой поверхности мхов. Проще идти по пляжу, но лень спускаться... Местность ступенями спадает к новой реке, широкими петлями прорезавшей дно долины. Река? Снова плыть. Вдруг не выдержали ноги. Сумасшедший сел, а потом лег тут же, где стоял. Он перевернулся на спину, глядя в небо, затем повернул голову и увидел морошку. Сочная, пухлая малиновая ягода, бесстыдная, вызывающая, как накрашенные женские губы, а на деле водянистая, безвкусная. Кто-то говорил ему, что этим летом тепла совсем не было и потому морошка только воду набрала. Но для него это лето на севере - единственное, и морошка такой останется для него навсегда. Безвкусной. Он все-таки потянулся к ягоде ртом, ухватил, проглотил, не разжевывая. А чего там разжевывать.

Припекает. Уснуть, забыть обо всем. Вертолет свое отлетал. Ты действительно сумасшедший, подумал он, нельзя же так расслабляться. Нет, надо поспать, пока тепло, ночью - идти. Вдоль моря и ночью можно, море - мой единственный компас. Спать, только не здесь. Он с трудом поднялся, добрел до сухой ложбины, постелил шинель, достал кусок хлеба, торопливо сжевал, лег. Сквозь устье оврага, как через прицел, он видел обрамленный желтыми косами изгиб реки, дальше пологие холмы, над холмами небо, в небе - стаю птиц. Наверное, гуси летят на юг.

Проснулся - было еще светло, но солнце сильно склонилось к западу, и он оказался в тени. В тени холодно. Приподнялся на локте - на том берегу по холмам бродили пасущиеся олени. Черт! Он резко вскочил и столкнулся с оленем, как говорят, нос к носу. Морда у оленя была точно такая же, какую сумасшедший видел когда-то в музее, только там шерсть между глаз была протерта добела, всем хотелось потрогать, когда отворачивалась старушка-служительница - а здесь все цело, к носу прилипла травинка. Глаза печальные. Олень передернул ушами, фыркнул, и сделал несколько быстрых шагов в сторону.

Где же пастухи? - думал он, скатывая шинель. Олени часто бродят сами по себе, но все-таки... Уходить, уходить за реку, но сначала под обрыв к морю. Зеленое море переливалось под усталым вечерним солнцем. Сначала - к берегу. Ноги сами несли его под уклон. Он притормозил, споткнулся, рухнул в песок за бугром у самого пляжа. Холодная струйка, шурша, потекла в сапог. Что это я распрыгался, удивился сумасшедший. Ясное дело, ненцев здесь нет. Он снял сапог, песок вытряхнул, стал перематывать теплые портянки, но внутри росла неудовлетворенность, будто он не сделал вещь очень важную. Шинель! Ну конечно, шинель забыл.

Сумасшедший, босой ногой по песку, другая обутая - вполз на бугор и выглянул из-за края. Вон она лежит, серая шинель, сам пришивал петлицы и пуговицы, пальцы исколол тупой иглой. Надо пойти и взять. Надо... На склоне появился человек. Сумасшедший осел, сжался, живот свело. Кто это? Ненец-пастух, коренастый, черноволосый, в их традиционной куртке, кухлянка, кажется. Тесак на поясе, болотные сапоги, в руке длинный посох. Проклятый чукча! Сперва ткнул своей палкой, затем наклонился и потрогал шинель, его шинель. Медленно огляделся. Присел. Не заметил меня? Заметил? Предаст? Внезапно ненец выпрямился, держа шинель обеими руками, а палку зажав подмышкой.

Спрыгнул в овраг, скрывшись из виду, а когда появился на другой стороне, руки его были пусты. Через секунду до ушей сумасшедшего донесся рокот вертолета, а еще через две стальное чудище вывалило из-за холмов, проплыло над долиной и зависло здесь, прямо здесь, чуть выше пастуха. Винты месили воздух с такой силой, что и возле сумасшедшего закручивались вихри песка, пыль мешала ему смотреть; там же, где стоял ненец, наверное, вообще находиться было невозможно, но он стоял, прикрывая лицо рукой, ветер остервенело трепал его короткие черные волосы. Потом пастух отбросил палку, медленно развел руки в стороны и замер - крест на фоне неба.

Пилотов не разглядеть за темными стеклами кабины. Это сверхорганизм, понял сумасшедший. Пастух знает, как себя вести - неподвижность и повиновение. Но монстр... Что нужно ему, чтобы расплющить человека? Вовсе не усилие, керосиновое сердце не испытает перебоев, броневая плита днища рассчитана не на такое сопротивление. Глубоко вонзятся в мох шасси-лапы, и коричневая жижа, сок вечной мерзлоты, брызнет наружу. Одна возможность спастись, плавный указующий жест - туда, там, возьмите его! И - герой в кадре - нелепый рывок по пляжу, между бревнами и поплавками, к той ржавой бочке, оставляя отпечатки одной босой ноги, одной обутой. Пули, влажно хлюпнув, воткнутся в сырой песок, вторая очередь ударит в спину. Он упадет лицом в лужу, оставшуюся от прилива, в горькую воду полярного моря.

Он никогда не выйдет из тундры, никогда не увидит лесов. Безумием была сама мысль об этом. Да, безумием, безумием, я излечился наконец и если я сдамся сейчас, меня не убьют! Нет, убьют все равно. Мое тело покажут нормальным - вот как бывает с теми, кто смеет сойти с ума. Так будет, потому что все здесь заодно: звери, ветер, песок, мох, люди. Все они предают, о, как я сразу не догадался!

Но... Но монстр вдруг качнулся, сдвинулся, круто взмыл вверх, его скрыл край нависшего обрыва, а потом он показался снова, уже над морем. Вертолет уходил на базу, на север и с каждым мгновением глох грохот его страшных винтов. Сумасшедший зажмурил слезящиеся, продутые ветром глаза, вслушиваясь в угасание звука. А когда глаза открылись, все было уже тихо и все на месте - и долина, и холмы, и олени, и ржавые бочки, только ненца на склоне не было.

Стряхнув оцепенение, он спрыгнул с бугра, торопясь, обулся, подхватил вещмешок и шапку и побежал вверх. Шинель нашел сразу - она лежала в расселине, с вертолета не заметили бы. Поднял ее, отряхнул, а когда выпрямился, увидел над собой пастуха.

Ненец молча разглядывал его. Потом произнес:

- Один идешь? Одному нельзя. Пропадешь один.

Отвернулся и исчез. Сумасшедший стоял на дне оврага, сжимая в руках шинель, вещмешок за плечами, на ремне нож. Один. Постоял, бросился вверх и выскочил на обрыв. Красное солнце сползало за море. Ненец ждал.

- Верно говорю, пропадешь один. Иди за мной.

И двинулся в тундру. Ненец шел уверенно, не оглядывался, как будто точно знал, что сумасшедший идет следом.

Николай МУРАВИН

(декабрь 1993 года)

КРАТКИЙ СЛОВАРЬ ТРАДИЦИОННОЙ ЛЕКСИКИ ОТДЕЛЬНЫХ АРМЕЙСКИХ КОЛЛЕКТИВОВ СЕВЕРА ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ РОССИИ

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ:

Специфика жизни армейских коллективов, в значительной мере изолированных от внешних влияний и зачастую занятых совершенно неестественной, с точки зрения гражданских лиц, деятельностью, позволяет их уподобить неким замкнутым квазиплеменам. Нам представляется, что такое уподобление особенно правомерно для частей, размещенных вдали от географических центров цивилизации. Эта своеобразная среда, в которой элементы родовых, кланово-феодальных и абсолютистско-этатистских отношений сосуществуют в группах людей, работающих с современной военной техникой, еще ждет своего Миклухо-Маклая. Некоторые данные об объекте грядущий исследователь сможет почерпнуть из предлагаемого Краткого словаря. Сбор материала проводился в середине 80-х годов. В словарь не вошли слова и выражения, ставшие в настоящий момент широко известными, например, последовательность ступеней неуставной иерархии: ДУХ - ЧЕРПАК - ФаЗАН - ДЕД - ГРАЖДАНИН, а также мат, отличающийся в армии от общегражданского лишь частотой и обоснованностью употребления.

Л.ШМИДТ

БОЛЬШОЙ ТАНКОВЫЙ СИГНАЛ (офицерск.) - резкое выражение отказа ("Вот вам, товарищи рядовые, большой танковый сигнал!"). Нередко сопровождается специфическим жестом.
БРОСИТЬ ПИДЖАК - то же самое, что ЗАЛЕТЕТЬ - быть застигнутым в момент совершения наказуемого деяния, своим поступком подвести командира или коллектив подразделения.
БУРОСТЬ - наличие комплекса свойств, оправдывающих высокое положение военнослужащего в неуставной иерархии; обычно присуща старослужащим.
БУРЫЙ - обладающий БУРОСТЬЮ.
ВЕШАЙСЯ! - распространенное междометие, способное служить в зависимости от интонации и контекста как угрозой, так и приветствием давно не встречавшихся старослужащих, либо добрым пожеланием.
СОВЕРШАТЬ ПОЛОВОЙ АКТ С ВОЛОМ - то же, что ШАРОЕБИТЬСЯ - бездельничать.
ЗАЛЕТЕТЬ - см. БРОСИТЬ ПИДЖАК.
МАНДАВОШКА - кусок войлока или бархатная тряпочка для придания блеска бляхе солдатского ремня; применяется также нарицательно: "Чего болтаешься, как мандавошка в проруби?"
МАШКА - 1. Мифическое существо, символизирующее женское сексуальное начало: "Можно Машку через ляжку, да и то на гражданке"; 2. Тяжелая колода со щетиной, предназначенная для натирки полов.
НАВОДИТЬ ПЭХЭДЭ - ремонтно-уборочные работы в течение парко-хозяйственного дня (субботы).
ОДИН-КА - высшая степень качества.
ПИЗДОПАР - пища, приготовленная нелегально; обычно предварительно украдена.
РУБАТЬ - лопать, есть, жрать, кушать, принимать пищу (официально).
РУБОН - объект рубания, не обязательно с'едобен.
РУБАНОК - военнослужащий, который рубится.
РУБИТЬСЯ - завоевывать расположение командования, корыстно выпендриваться.
СЕКА - специфическое качество, сходное с находчивостью, характеризующее приспособляемость индивида к армейским условиям.
СЕКА ДВА НУЛЯ - полное отсутствие секи.
СЛОН - офицер или прапорщик; произошло от названия шахматной фигуры, в дальнейшем стало ассоциироваться с одноименным животным.
ЦеПОЧКА - цепочка как можно большей длины, предназначенная для ношения как можно большего количества ключей; один из символов БУРОСТИ.
ЧАЙНИК - военнослужащий, лишенный секи.
ЧМО - опустившийся чайник, то же, что доходяга в лагере.
ЧМОРИТЬ - действия, направленные на низведение до положения чма.
ШАЛФ - 1. Сьедобные полуфабрикаты, доступные рядовому и сержантскому составу; 2. Процесс потребления шалфа в значении (1); 3. Место продажи шалфа в значении (1).
ШАМОТА - мифическое существо, воплощение нечистоплотности: "Грязный, как шамота".
ШАРИТЬ - каким-либо способом уклоняться от государственно-полезной деятельности.
ШЛАНГ - военнослужащий, который шарит.

ОТ РЕДАКЦИИ:

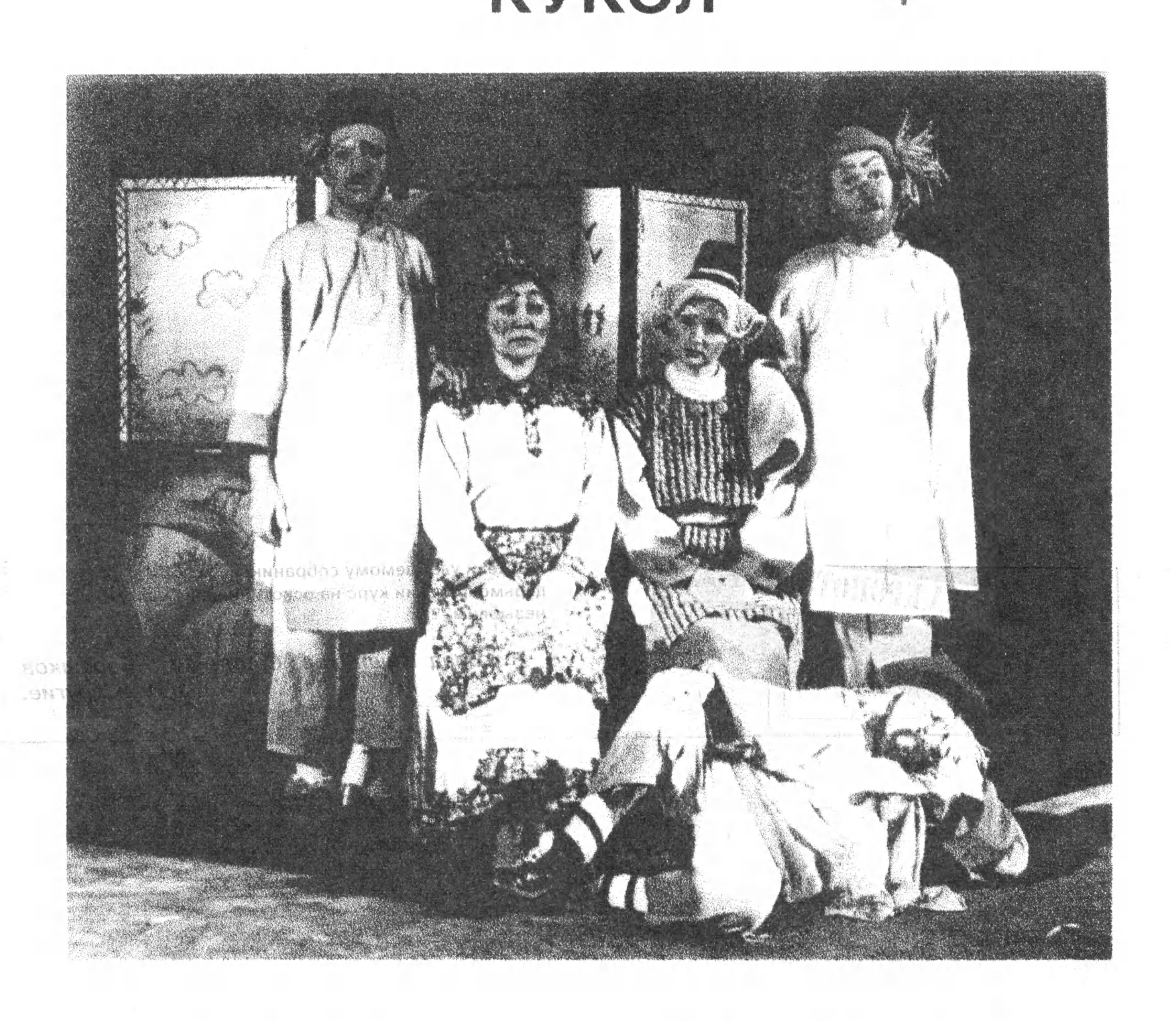
Сознавая, сколь бездонна и многолика лишь слегка затронутая Л.Шмидтом тема, мы призываем компетентных и пытливых читателей к Дополнению и Углублению.

СЛОВАРЬ ОМОНИМОВ

А - Адрес?
Б - Бегом. Блядь, быстро.
В - В машину. Встать. Вперед. Выше.
Г - Где остальные
Д - Документы. Два.
Е
Ё
Ж
З - За голову.
И - Иди.
Й
К - Кому сказал. Кругом.
Л - Лечь. Лежать.
М - Молчать.
Н - Не понял? Не двигаться. Ниже. На землю.
О - Открой.
П - Положи.
Р - Руки. Расстегни. Раз.
С - Стоять. Спокойно. Сюда. Считаю до трех.
Т
У
Ф
Х - Хуево слышишь?
Ц
Ч - Читай.
Ш
Щ
Ъ
Ы
Ь
Э - Это что?
Ю
Я

ВЯТСКИЙ

~~КИРОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ~~ ТЕАТР КУКОЛ

Сергей Седов. "Как Иван-лентяй царевичем стал". Концептуальная дурилка в двух спонтанных актах. Постановка, куклы, сценография Марины Зориной. Музыкальное оформление Надежды Евдокимовой. Свет Александра Некрасова. Премьера состоялась 5 февраля 1994 года. Главный режиссер театра - заслуженный артист России Вадим Афанасьев. В дурилке участвуют: Иван, средний брат (Юрий Евдокимов), Принцесса (Надежда Мазик), Мать, Баба Яга (Надежда Стрижак), Царь, Ворон (Валерий Стрижак), Старший брат (Марк Рубин), Скоморохи (артисты театра). Декорации и кукол смастерили: художник-конструктор Даниил Морданов, бутафоры Лидия Краева, Елена Шлычкова, Татьяна Мамонова, костюмер Люсьена Смирнова, столяр Василий Шиляев. Входить в зал после третьего звонка

НЕЛЬЗЯ!

Зачитано на Ученом совете Русского географического общества в конце 1993 г.

Уважаемые соотечественники!

Прошедшие в прошлом году мероприятия посвященные чествованию памяти П.А.Кропоткина в связи со 100 летним юбилеем начала его пути в бессмертие, дали возможность всем Вам убедиться, что означает имя Петра Алексеевича для мыслящих людей всего мира. Однако РГО практических выводов не сделало и, не смотря на неоднократные напоминания со стороны и нелегалов из БСЕЗ(А) и открыто и мирно действующих анархистов из АДА, ИРЕАНа и КАСа, не предприняло никаких практических шагов в направлении увековечения памяти П.А.Кропоткина хотя бы как своего коллеги, как одного из самых славных членов РГО.

Будучи противниками любых форм сотрудничества с органами власти любого уровня, анархисты не могут обращаться с ходатайствами к ним, а поэтому предлагают уважаемому собранию сделать от собственного Вашего имени предложение федеральному правительству и одновременно (учитывая и поощряя возрастающую роль местных органов власти, стоящих на пути перерастания в институты народного самоуправления) Архангелогородскому губисполкому - переименовать ЗФИ (Землю Франца-Иосифа - ред.) в "Землю (архипелаг) Шиллинга-Кропоткина". Это будет не только:

а) восстановлением исторической справедливости в отношении первенства русских ученых, вычисливших и обосновавших существование данного природного объекта (и вознаграждение их научно-творческих заслуг), но и

б) предотвращение возникновения формального предлога для возможного будущего межевого спора с чужеземцами (типа Курильской свары) в случае открытия в тех местах каких-либо бесполезных или вредных для людей, но полезных для наживы гадов, ископаемых.

Данный пункт для правительства может стать решающим - кому нужна лишняя головная боль? Возражения же по поводу несвоевременности забот ввиду труднодоступности места можно отбрасывать примером Грумантских шахт и ссылкой на ускорение развития техники в добывающей промышленности в связи с истощением ресурсов планеты. Что кажется фантастичным сегодня, то станет буднями завтрашнего века.

Если же кого-то может позабавить мысль о возможном претенденте на Землю Шиллинга-Кропоткина, то самый компетентный - от БСЕЗа ответ зубоскалам: первый и главный - германская колония нового - дерьмократского типа - хорватское нацистское государство, во главе которого стоят усташи, ничем не уступающие по подлости павеличам и артуковичам, а в лизании германских жоп уже превзошедших упомянутую мразь. Для них и их хозяев

а) "юридически" - Хорватия один из правопреемников габсбургской помойки;

б) часть австрийской экспедиции, ведшей поиски земли по разработкам русских ученых была далматинскими славянами.

Разумеется, возможны и другие претенденты до тех пор пока наша великая и бессчастная Родина пребывает в нынешнем позорном и упадочном состоянии по вине всех нас вместе и каждого в отдельности. И не будем, родные мои, меряться - кто виноват больше, кто меньше. Просто нужно каждому на своем месте делать России, к чему призываем Вас мы - ученики и последователи Петра Алексеевича Кропоткина.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Здесь не упомянуты факты истории в надежде на то, что специалисты из образованной Вами Комиссии сделают это лучше в своей обосновательной бумаге для властей.

2. В ней же уместно было бы порекомендовать снять некоторые другие гадские имена с карты этого объекта, заменив их именами ВСЕХ участников австрийской экспедиции (чтоб подчеркнуть любовь хозяев этой земли к справедливости); хоть впоследствии начальники экспедиции признали, что открытие вышло у них как "случайный подарок каприза льдины".

3. Анархисты не скрывают еще одной причины своей заинтересованности: на Земле Шиллинга-Кропоткина создать общину (возможно международную) исследователей на основе своих нравственных и обществоустроительных идей, над разработкой коих много и плодотворно потрудился Петр Алексеевич. РГО должно бы заинтересоваться этим, так как программу исследовательских работ будут делать русские ученые, а средства на расходы анархисты получат своими силами из безгосударственных источников. Неужели Кремлевское ворье (лакеи МВФ (Международного валютного фонда - ред.)) не доказало РГО свою ненависть к отечественной науке, как части духовности Российского общества? Неужели уважаемому собранию не ясно, что дерьмократский курс на оскотинивание народа незыблим??

Влад Вишняков, Сапин А.П., Барашков И.И. и другие.

ЗЕМЛЯ ФРАНЦА ИОСИФА

П.А.КРОПОТКИН

Швейк о Земле Франца-Иосифа

ЗЕМЛЯ ФРАНЦА ИОСИФА

- Помнится, поговаривали, что у Австрии есть колонии, - проронил Швейк, - где-то на севере. Какая-то там Земля императора Франца-Иосифа.

- Бросьте это, ребята, - вмешался один из конвойных. - Нынче вести разговор о какой-то Земле императора Франца-Иосифа опасно. Самое лучшее - не называйте имен.

- А вы взгляните на карту, - перебил его вольноопределяющийся. - На самом деле существует Земля нашего всемилостивейшего монарха, императора Франца-Иосифа. По данным статистики, там одни льды, которые и вывозятся на ледоколах, принадлежащих пражским холодильникам. Наша ледяная промышленность заслужила и за границей высокую оценку и уважение, так как предприятие это весьма доходное, хотя и опасное. Наибольшую опасность при экспортировании льда с Земли Франца-Иосифа представляет переправа льда через Полярный круг. Можете себе это представить?

Конвойный пробормотал что-то невнятное, а начальник конвоя, капрал, подошел ближе и стал слушать объяснения вольноопределяющегося. Тот с глубокомысленным видом продолжал:

- Эта единственная австрийская колония может снабдить льдом всю Европу и является крупным экономическим фактором. Конечно, колонизация подвигается медленно, так как колонисты частью вовсе не желают туда ехать, а частью замерзают там. Тем не менее с улучшением климатических условий, в котором очень заинтересованы министерства торговли и иностранных дел, появляется надежда, что обширные ледниковые площади будут надлежащим образом использованы. После постройки нескольких отелей туда будут привлечены массы туристов. Необходимо, конечно, для удобства проложить туристские тропинки и дорожки между льдинами и накрасить на ледниках туристские знаки. Единственным затруднением остаются эскимосы, которые тормозят работу наших местных органов...

Капрал слушал с интересом. Это был солдат сверхсрочной службы, в прошлом батрак, человек крутой и недалекий, старавшийся нахвататься всего, о чем не имел никакого понятия. Идеалом его было дослужиться до фельдфебеля.

- ...не хотят подлецы эскимосы учиться немецкому языку, - продолжал вольноопределяющийся, - хотя министерство просвещения, господин капрал, не останавливаясь перед расходами и человеческими жертвами, выстроило для них школы. Тогда замерзло пять архитекторов-строителей и...

- Каменщики спаслись, - перебил его Швейк. - Они отогревались тем, что курил трубки.

- Не все, - возразил вольноопределяющийся, - с двумя случилось несчастье. Они забыли, что надо затягиваться, трубки у них потухли, пришлось бедняг закопать в лед. Но школу в конце концов все-таки выстроили. Построена она была из ледяных кирпичей с железобетоном. Очень прочно получается! Тогда эскимосы развели вокруг всей школы костры из обломков затертых льдами торговых судов и осуществили свой план. Лед, на котором стояла школа, растаял, и вся школа провалилась в море вместе с директором и представителем правительства, который на следующий день должен был присутствовать при торжественном освящении школы. В этот ужасный момент было слышно только, как представитель правительства, находясь уже по горло в воде, крикнул: "Gott strafe England!" Теперь туда, наверно, пошлют войска, чтобы навести у эскимосов порядок. Само собой, воевать с ними трудно. Больше всего нашему войску будут вредить ихние дрессированные белые медведи.

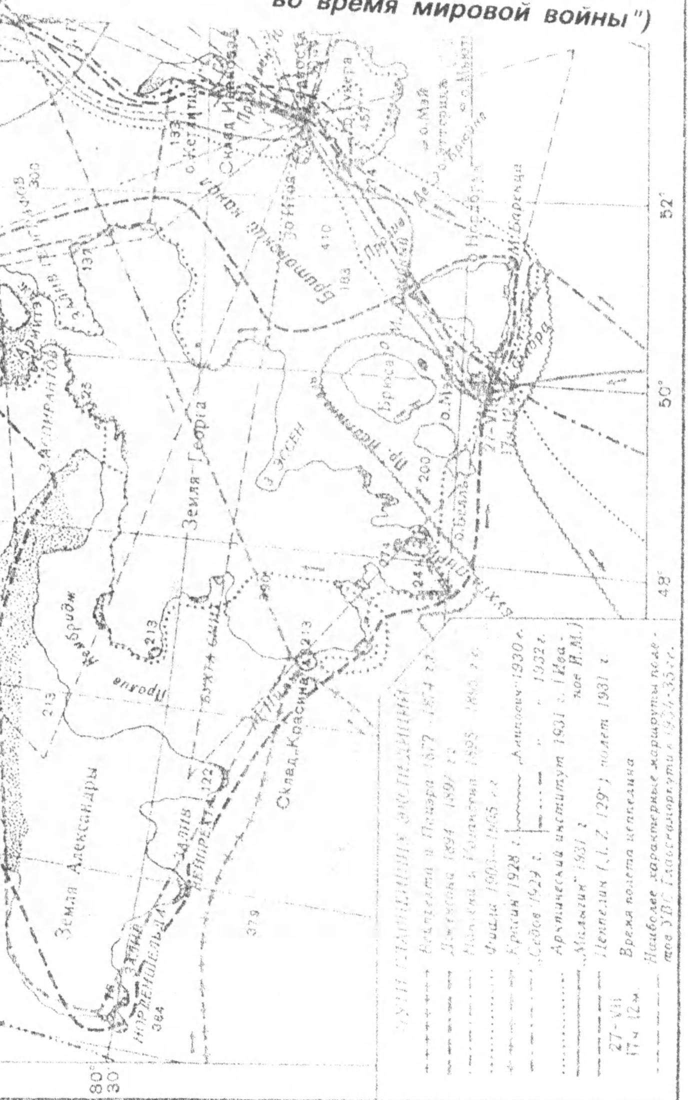
- Этого еще не хватало, - глубокомысленно заметил капрал. - И без того военных изобретений хоть пруд пруди. Возьмем, например, маски от отравления газом. Натянешь ее себе на голову - и моментально отравлен, как нас в унтер-офицерской школе учили.

- Это только так пугают, - отозвался Швейк. - Солдат ничего не должен бояться. Если, к примеру, в бою ты упал в сортирную яму, оближись и иди дальше в бой. А ядовитые газы для нашего брата - дело привычное еще с казарм, после солдатского хлеба да гороха с крупой. Но вот, говорят, русские изобрели какую-то штуку специально против унтер-офицеров.

- Какие-то особые электрические токи, - дополнил вольноопределяющийся. - Путем соединения с целлулоидными звездочками на воротнике унтер-офицера происходит взрыв. Что ни день, то новые ужасы!

Ярослав ГАШЕК

("Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны")

ТРАГИЧЕСКАЯ ОШИБКА НИКИТЫ ХРУЩЕВА

С именем великого советского лидера - Н.С.Хрущева у мирового экологического движения связаны как приятные (например, прекращение строительства каскада крупных ГЭС на Волге), так и неприятные (сокращение территории природных резерватов) ассоциации. Обыватель же и наш, и западный помнит Никиту Сергеевича по Карибскому кризису, оттепели, обещаниям построить материально-техническую базу коммунизма к восьмидесятому году и по его пристрастию к кукурузе. Мы не ставим себе задачей в настоящей статье анализировать события, вызвавшие Карибский кризис или критиковать этого выдающегося человека за отсутствие последовательной либеральной политики. Мы так же не намерены уподобляться обывателю и насмехаться над его проектом построения коммунизма, так как считаем эти обвинения несостоятельными хотя бы по той причине, что Хрущеву не предоставили возможности воплотить свой

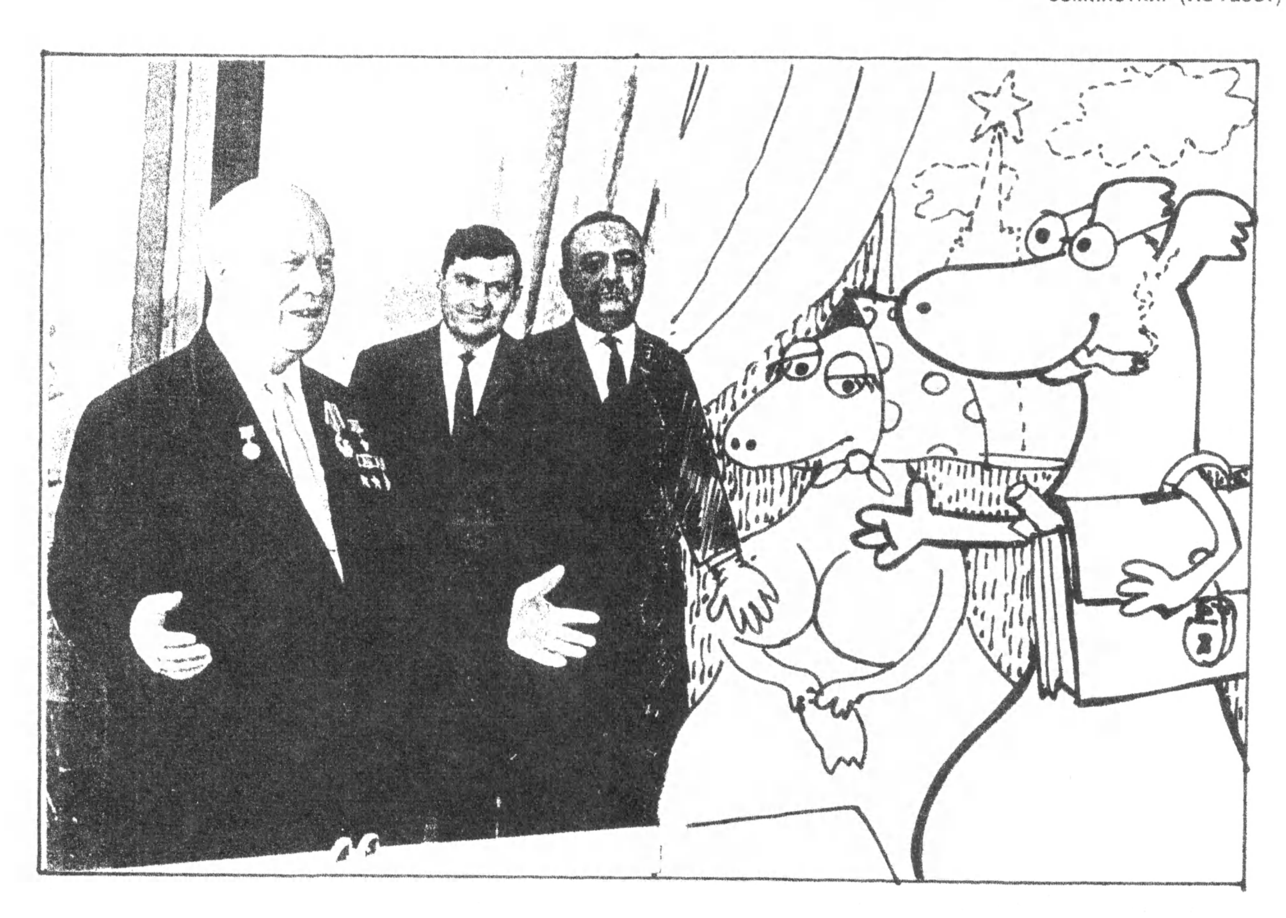
проект. Так что вина за отсутствие коммунизма лежит в основном на его оппонентах, свергнувших его и возглавивших советскую империю...

Поговорим о кукурузе.

Интуитивно Хрущев чувствовал, что ключ к решению многих проблем лежит в какой-то сельскохозяйственной монокультуре, способной революционным образом изменить всю экономическую систему страны и заставить загнивающий Запад таковым и выглядеть.

Может быть, его сбило с толку то, что Соединенные Штаты производили кукурузы больше, чем весь остальной мир вместе взятый и он решил непременно догнать США и лишить их этого единственного

Председатель Совета Министров СССР т. Н.С.Хрущев и Вуглускр с супругой встретились вчера в Кремле для обсуждения проблем коноплизации сельского хозяйства на заключительном этапе семилетки. (Из газет)

- Пыхнешь, Никита Сергеевич?

- Спрашиваешь...

преимущества. Этого мы не знаем. Так или иначе, Хрущев оказался в плену марксистского догматизма, который переносил экономические "правила игры" капитализма на социалистическую систему, заставляя ее, таким образом, догонять там, где можно было бы просто обойти.

Действительно, выбирая самую распространенную в США сельскохозяйственную монокультуру, Хрущев заведомо поставил советскую экономику в неравные стартовые возможности по сравнению с западной. Хотя ведь известно, что догоняя грабителя (каковым, несомненно, является капитализм) нужно не бежать по его следам, а срезать углы. Самым логичным было бы в такой ситуации избрать для соревнования двух систем не то, что западный мир культивирует уже несколько веков, а наоборот - нечто такое, от чего он все время пытается избавиться. То есть такую монокультуру, которая для Запада , во-первых, является нетрадиционной для его экономики, и, во-вторых, не устраивала бы его не столько по экономическим, сколько по идеологическим причинам.

Ведь известно - что плохо для капитализма, то хорошо для его противников.

Разумеется, выращивать в пику Западу какие-нибудь сорняки было бы просто глупостью. Но неужели не было ничего такого, от чего капитализм отказался, несмотря на многочисленные достоинства культуры?

Такая культура была!

Культура, которая давала биомассы не меньше чем пресловутая кукуруза, которая, кроме того имела более широкий ареал распространения, которая была сырьем для получения спирта, масла, пластических масс, текстиля, медицинских препаратов. Которая, наконец, обладала наркотическим свойством. Речь идет о конопле.

Преследования конопли в Соединенных Штатах имели корнями проявление чисто капиталистической экономики - конкуренцию. Именно по причине конкуренции между нефтеперерабатывающими концернами и производителями конопли, первые через продажное правительство поставили эту культуру вне закона. Формальной причиной послужила борьба с наркоманией (которая, кстати сказать, приобрела грандиозный размах как раз после запрещения конопли, из-за перехода на опиум, кокаин, а потом и на синтетические наркотики).

Объективно, производство пластиков, масла, спирта и других продуктов из конопли было гораздо дешевле, экологичнее и автономнее, чем их производство из нефти. Поэтому нефтяные короли и прибегли к обману общественности, что вообще присуще для капитализма. Американский народ до сих пор расплачивается за сиюминутную выгоду кучки магнатов сотнями тысяч наркоманов, трупами своих сынов в нефтяных войнах на Ближнем Востоке и др.

Известно, что в тридцатых годах прогрессивными инженерами в США был создан экспериментальный автомобиль, за исключением металлических частей двигателя, полностью сделанный из производных конопли. При этом он работал на спирте и масле, также произведенными из этого замечательного сырья.

Представим на мгновение, что Никита Сергеевич, осуществляя свою грандиозную реформу, сделал бы этот последний и вполне логичный (как мы доказали) шаг и выбрал не любимый продукт американских буржуев - кукурузу, а истинно народную коноплю.

1. Условия соревнования двух систем стали бы равными. Советы, даже имели бы фору, так как сопротивление нефтяных магнатов и постоянные кризисы системы не позволили бы капиталистам быстро развернуть крупномасштабное производство полезной культуры. Советский Союз превратился бы в мирового экспортера конопли и усилил тем самым свое геополитическое положение.

2. Переход на экологическую систему хозяйствования создал бы задел для построения будущего общества. Экологический кризис обошел бы социалистический лагерь и он оставил бы гниющий капитализм далеко позади.

3. Хрущев получил бы мандат доверия народа, во-первых потому, что конопля гораздо быстрее могла интегрироваться в сельское хозяйство и во-вторых, по причине широты своего ареала она везде давала бы высокие урожаи. (Кукуруза же продукт южный и плохо росла в Советском Союзе, что не давало возможности рапортовать об успехах и раздражало народ.)

4. Замена табачной продукции на папиросы с анашой в короткий срок привела бы общественный менталитет к переориентации с материальных ценностей на духовные. Материальные потребности снизились бы настолько, что к восмидесятым годам база коммунизма была бы достигнута.

5. Западный пролетариат, обеспокоенный экологическим и экономическим кризисами капиталистической системы, свергнул бы ненавистные правительства и покончил бы с системой рабства и эксплуатации.

6. Молодежные бунты шестидесятых годов, подкрепленные успехом советской коноплизации, привели бы к победе идей социализма во всем мире.

В итоге - мир смог бы избежать ядерной катастрофы (так как исчезло бы противостояние), катастрофы экологической и восстановилась бы полная гармония людей между собой и человека с природой. Что касается советского тоталитаризма, то мировое государство не может существовать по определению (не имея внешних ресурсов, угрозы и т.д.), а значит с завоеванием всего мира социалистическое государство отмерло бы оставив на своем месте то, что сейчас выглядит утопией.

Этот последний логический шаг сделан не был. И это является роковой и очень досадной для мирового экологического движения ошибкой Никиты Хрущева. Ошибкой, приведшей к краху социалистической системы, к обострению экологического кризиса, к потере человечеством надежды на достижение социальной гармонии.

Сергей ФОМИЧЕВ

+ 35 В ПЫЛИ

Есть на Черном море славный город Одесса. В Одессе, кроме всем известного "Привоза", есть еще и "Новый рынок". От "Нового рынка" ходит автобус до города Южный, обычно полтора часа, но поздно вечером можно добраться и за час пятнадцать. От города Южного надо пройти еще километров пять пешком по бетонке в сторону Южного порта. Вот там-то, рядом со строительством нефтеперевалочного комплекса, и находился летом 94 года экологический лагерь протеста. Безопасных нефтехранилищ не бывает, а это расчитано на 40 миллионов тонн. В случае катастрофы - хана всему Черному морю - в Одесской банке возобновляется до 70 процентов всей его биомассы.

Конечно, общественность протестовала. Конечно, ученые давали отрицательные заключения. Конечно, стояла на ушах пресса. Только строительство все равно ведется. Поэтому в дело и вступили "Хранители Радуги". Международная (бывшая всесоюзная) радикальная экологическая организация, которая борется с наиболее опасными промышленными объектами на территории б/у СССР. Большинство "Хранителей" - анархисты, но никакого специального подбора кадров ни по идеологическим, ни по религиозным или национальным признакам не делается.

Тактика гонки на длинную дистанцию

Тактику лагеря протеста можно сравнить с шоссейной велогонкой, когда небольшая группа неожиданно вырывается вперед, старается увеличить отрыв от основной "толпы" велосипедистов, но те настигают оторвавшихся и все снова едут общей плотной массой - до следующего отрыва. Так и в эколагере: неожиданно для властей анархисты захватывают технику на стройке, вырываются вперед. Приезжает начальство. Нудные переговоры. Анархисты слезают с кранов, власти приостанавливают стройку. Наступает временное перемирие, стороны ждут ошибок друг друга. До следующей акции (возобновления строительства, захвата конторы терминала). А между акциями - в лагере зависалово. Три, четыре, пять дней... Жара + 35, порывистый ветер и тучи пыли со стройки (ты ешь, загораживая миску от ветра своим телом, но песок на зубах все равно хрустит). Спасибо, что море рядом - и ты ходишь туда каждый день, даже если не умеешь плавать, и режешь ноги о камни, но все равно ходишь, уже прихрамывая - почему бы и не искупаться борцам за экологию, пока борьба не проиграна и море не стало действительно черным?

- Залезть на краны недолго, - успокаивает ропот нетерпеливых Сергей Фомичев, один из организаторов акции. - Блокировать облсовет и получить дубинкой по голове тоже проще простого. Самое главное и самое трудное в нашем деле - ждать.

Вода

Жизнь в чистом поле освобождает от многих "условностей". Можно не бриться, можно не умываться, не чистить зубы. Нельзя не пить и не есть. А значит, вода все-таки нужна. Чтобы готовить, чтобы мыть посуду ("Уничтожайте мух - источник заразы, лишайте
их кормовой базы!"). В лагере четыре канистры общим водоизмещением 30 литров. Несколько раз в день необходимо их наполнять. Походы за водой - один из главных источников приключений.

Есть такие механические чудовища - "крокодилы". Это автотранспортные средства, используемые для снятия грунта и других строительных работ. "Крокодилами" управляют люди. Эти люди, как правило, матерят нас последними словами, но один проникается к нам любовью. Проходит всего несколько дней и девушка научается не только кататься на "крокодиле", но и управлять им, двигать чудовищную машину вперед, назад, разворачивать ее на перекрестке у Южного... А лагерь получает надежный канал доставки чистой воды - в пасти "крокодила" уместилось бы и 300 литров, имей мы такие емкости.

Увы, все хорошее в жизни кончается. Был отослан в даль светлую и наш друг-"крокодиловод". Походы за водой снова стали пешими и выматывающими. И разумеется, когда шофер грузовика, остановившись около лагеря, крикнул: "Мужики, вода нужна? Подброшу!", Птеродактиль не сомневался ни минуты. Так он и уехал с канистрами. На четыре часа. Машина сломалась, не доезжая до Южного. Не мог же добрый панк Птеродактиль бросить доброго водителя в беде - залез с ним в мотор, вымазался в мазуте. Люди должны помогать друг другу.

Волшебная сила искусства

Мы не были плоскими агитаторами и унылыми пикетчиками. С нами были "Барышня и хулиган". Марина и Паша. Хорошая московская рок-группа. Они озвучивали наши демонстративные действия почти месяц. В Южном на них еще обращали внимание. В Одессе же гражданам было "по барабану".

Пикет около вокзала. Подходит фотограф: "Рябята, мне насрать чего вы там требуете, но это место я купил. Не хотите иметь проблем с рэкетом - уходите". Марина и Паша поют дальше. Фотограф снова подходит: "Видите вон тех ребят с короткими стрижками? Ну что, мне сходить за ними?" Уходим

на Дерибасовскую. Ишь, место они купили! Море они, наверное, тоже купили? На Дерибасовской из окна высовывается добрый сонный дяденька: "Ребята, не могли бы вы не петь, я только уснул после ночной смены?" Меняем дислокацию. Подходит тетка, сама кротость: "Я тут на углу аудиокассеты продаю, так вы мне магнитофон заглушаете". Новое место. Снова новое место. Всем мы мешаем. Только строительство терминала в Южном никому не мешает. А что, его ведь с Дерибасовской не видно.

Естественный анархизм - это естественно

Над нашим лагерем протеста развевается черный флаг. Он - не только символ наших убеждений, но и символ той реальности, которая сама собой складывается в лагере. С точки зрения социальной организации лагерь - это маленькая коммуна. Не только потому, что у нас общая еда и общие палатки. Скорее потому, что нами действительно владеет чувство общности, сознание того, что мы - коллектив, что все мы друг от друга зависим.

Есть мы - волосатые, бритые, бородатые, рабочие, студенты, вольные птицы. И есть они - менты, избивающие нас; жлобы, покушающиеся на жалкие сто тысяч карбованцев, которые набросали нам в шляпу на пикете-концерте; представители трудящихся, заучившие контрпропагандистскую пластинку про то, что Украине нужна нефть, а у России есть Карское море, которое нам и надо защищать... Где бы мы ни оказались, мы везде чувствуем эту линию фронта, даже в кафе в Одессе, куда мы забежали перекусить, тут же появляется милиция: "А, москвичи! (среди нас - нижегородцы, саратовцы, дончане, запорожцы...) Что это вы тут делаете?"

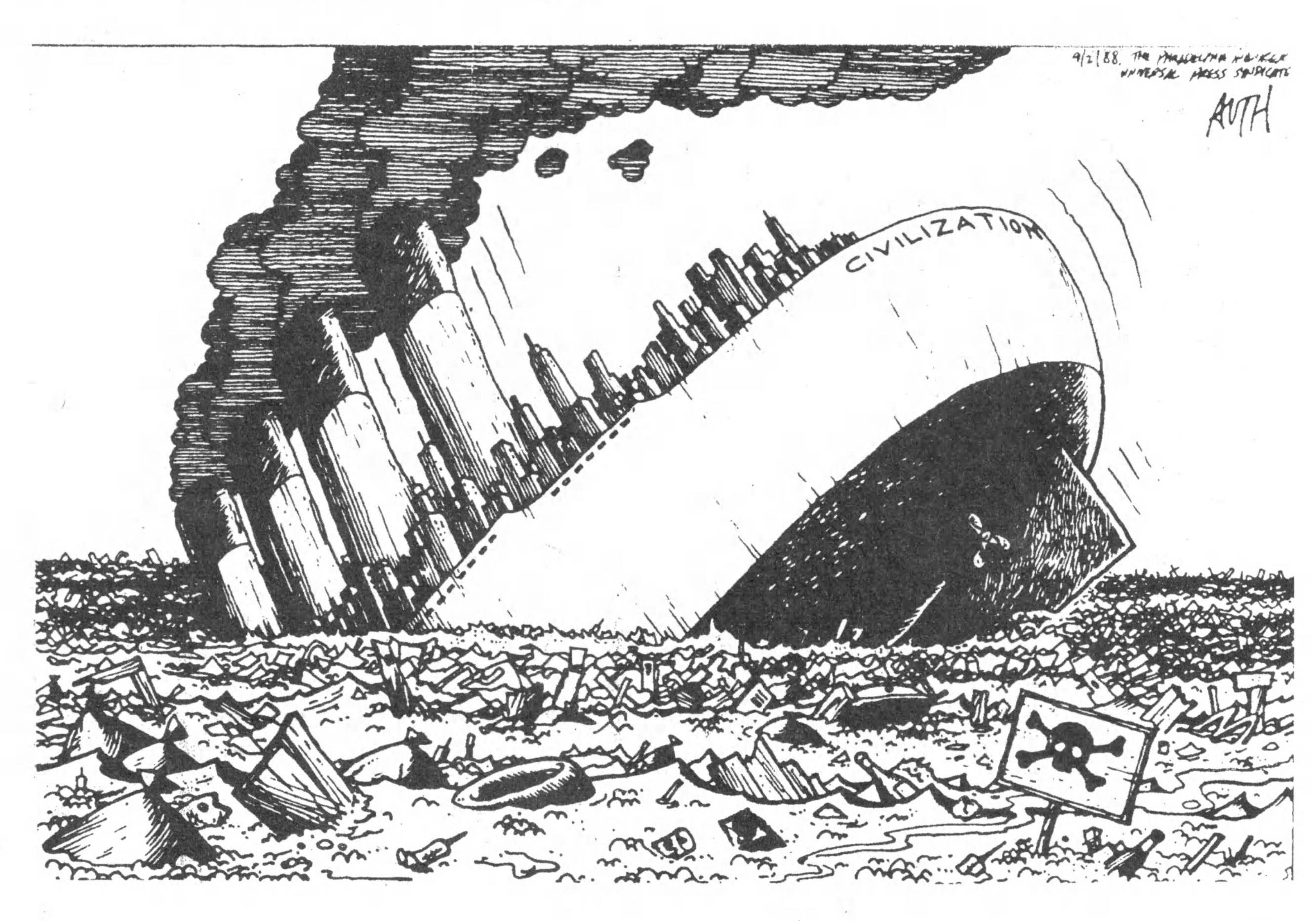
Естественным образом у нас складывается самоуправление. Начальников нет. Есть люди более компетентные в экологических вопросах и менее. При этом, уровень компетенции больше всего зависит от твоего личного желания. Отсутствие у нас начальства очень нервирует представителей власти: "Кто у вас главный?" - Нет главного - "Такого не бывает! Кто главный?!"

Нам не удалось навсегда закрыть стройку - такого не сделать одному лагерю, мы лишь надолго приостановили ее. Но мы знаем другое - для многих людей, впервые побывавших в лагере протеста, сами эти проблемы заняли важное место в жизни. Люди, которые оказываются в лагере, понимают, что раньше они жили просто так, а можно жить для чего-то. Понимают, что кроме купли-продажи, кроме ночных дискотек, кроме иерархической лестницы, по которой всех приучают взбираться, есть и другие ценности.

Костер

Костер является основным нервом лагеря. Около костра мы едим пару раз в сутки. Около костра проводим общие собрания. От костра уходим по утрам "штурмовать" стройку, залезать на краны. Здесь же мы говорим обо всем на свете - об анархии и экологии, о мироустройстве и о любви... К костру приносят свои рюкзаки вновьприбывшие. У костра прощаются, меняются адресами, запоминают лица друг друга и улыбки. Встретимся ли вновь? Когда? На какой акции?

В.Т.

ЧЕРЕПОВЕЦ: ОТЧЕТ О ПРОДЕЛАННОЙ РАБОТЕ

31 июля 1994 года в 18.35 я, человек, знакомый с экологическим движением только понаслышке и группа людей, сагитированных мною, в составе поезда N 126 тронулась в сторону г. Череповца для участия в экологической акции.

Я признаю, что, зазывая людей на акцию "Череповец-94", я многократно подчеркивала бесплатность, даже халявность участия в ней (дорогу оплачивают, кормят, поят, спать укладывают), лишь два раза упомянув о самой работе в эколагере и ни разу не заговорив о трудностях "лагерной" жизни.

Признаю также, что недостаточно информировала агитируемых людей о целях нашей поездки, о задачах лагеря, о проблемах г. Череповца.

В силу ряда обстоятельств (включая и мою собственную недокомпетентность) считаю свое поведение в сложившейся ситуации оправданным и приношу свои извинения всем обманутым мною (в частности, Захару и Генералу, раскаявшимся в своем решении ехать в Череповец и в очень сжатые сроки вернувшимся в Москву). В то же время с радостью и гордостью отмечаю, что мы, оставшиеся, пополнили революционные ряды участников акции и прошли через все испытания, выпавшие на долю лагеря за неделю нашего пребывания в Череповце. В связи с этим, особая благодарность Животноводу и Сому за проявленное мужество, героизм и чуткость.

Неделя нашего присутствия была последней неделей, завершающей почти полуторамесячную работу эколагеря. Тот наиболее тяжелый период, когда большая часть участников акции находилась под арестом, когда сам факт существования лагеря был под вопросом, остался далеко позади. Мы видели уже результаты работы: интерес жителей города, группы местных активистов.

Мы приехали в понедельник утром, а понедельник, как известно, день тяжелый. Мы были бодры и веселы. Нас окружили люди в зеленых с черно-красными полосками галстуках и стали нас пугать. Денег мало, кушать мы будем ходить в столовую комбината, по двое (для конспирации), если нас там поймают, посадят в тюрьму. Целыми днями мы будем неотлучно находится на пикете, где нас регулярно будут избивать местные жители, протравленные алкоголем и комбинатскими выбросами, - поведали "отцы". "Новобранцы" сникли.

Нас повели на пикет. Там уже ожидало местное телевидение: "Кто вы, откуда? Зачем приехали?" - "Да... м-м-ммы... Это... того... то есть... ну, помочь, мол..." - мямлили мы, оглядываясь.

Удивительный тип, Сергей Михайлович Краузе, местный журналист, активист, редкой души человек, отличавшийся пагубной приязнью к спиртному, писал об экологическом лагере все, что мог, фотографировал, как мог, ругался со злыми старухами. Первым делом он взял у нас интервью, вторым - повел всех вновьприбывших на экскурсию в морг. Memento mori. Всегда жаловавшийся на голод и нищету, Сергей Михайлович съедал больше всех и ругал повара. Когда мы приехали, Краузе пошутил где-то, что приехала сотня московских школьников с педагогами (а нас было шесть человек и вовсе не школьников). Информация прозвучала по телевидению.

Пугание нас местным населением было ходом тактическим, но не лишенным основания. Приходили большие, пьяные, сломали мегафон. Правда, чаще приходили другие, лохматые, добрые, наши. Местные так перемешались с лагерем, что отделить их было невозможно, поэтому доставалось иногда и им.

Отсидев сутки на пикете, мы уяснили, что:

1. Мы - "зеленые".

2. Мы не хотим закрывать комбинат.

3. Мы требуем аттестации рабочих мест.

4. Мы требуем расселения из санитарно-защитной зоны, "где жить невозможно не только по законам России, но и по законам природы".

5. Мы требуем создания независимой от комбината медицинской службы для выявления профзаболеваний.

6. Череповец - 4-й город в России по загрязненности окружающей среды.

7. В год на череповчанина приходится 1,7 тонны вредных веществ.

8. Руководитель комбината - Липухин. Мэр Череповца - Позгалев.

На вторые сутки мы и вовсе "позеленели".

В нашем позеленении сыграло роль несколько факторов: просветительская работа и отеческая забота организаторов акции "Череповец-94" Пети Рябова и Кирилла Привезенцева, помощь в сплочении коллектива Лады Романовой и ее замечательного трехлетнего сына Родика. Но главным фактором была перекраска мемориального слитка стали, выплавленного еще в 50-е или 60-е годы, в зеленый цвет. После этого мы так позеленели, что не могли отмыться несколько дней. Более того, все, к чему мы прикасались тогда (и машина, приехавшая нас забирать, и отделение, куда нас привезли) автоматически зеленело.

Вскоре мы уже чувствовали, что Череповец - и наш город тоже: нас узнавала милиция, на стенах висели

наши листовки и плакаты, на асфальте написаны были наши лозунги (например, под окном мэра: "Господин Позгалев, срок вашей жизни 59 лет!").

Однажды, когда мы вешали очередной плакат с мальчиком, раскачивающим трубы, на каком-то велопедальном устройстве подъехал к нам инвалид - продавец проездных талонов. Он показал на плакат и попросил повесить на велопедальное устройство что-нибудь красивое. Мы пообещали нарисовать. Через сутки по Череповцу ездил инвалид с нашим плакатом на спине. Зрелище потрясающее.

Вообще же, зрелищами, я думаю, мы череповчан обеспечили. Грязные, лохматые, располагали мы пикет на маленькой сцене на площади Металлургов. Каждое утро в 10 часов мы ставили палатку, увешивали ее плакатами и садились вокруг. Саша из Екатеринбурга страшным голосом завывал: "Граждане Череповца!... Это не у нас ничего не получится, это у вас ничего не получится, если вы ничего не будете делать!" Часам к шести вечера его уже так разбирало, что он шокировал прохожих объявлениями типа: "С миру по нитке - Липухину веревка" и др. В свободное от работы время Саша брал Родика на колени и "чтобы успокоить" не менее страшным голосом начинал пересказывать фильмы ужасов со всеми душераздирающими подробностями. Вокруг собиралось несколько местных детей. Все они сидели, выкатив глаза и совершенно успокоившись. А время текло...

Кроме граждан России в лагере были и иностранцы. Так вышло, что на неделю нашего пребывания здесь осталась одна Клавдия из Германии. Русского Клавдия почти не знала и объяснялись мы на каком-то непонятном языке звуков, жестов и разноязычных слов. Вроде, понимали друг друга. Это говорит о том, что при правильном подходе языкового барьера возникать не должно. Тем более, когда такие люди...

Под занавес лагерь решил вернуться на свое историческое место, на полянку, с которой его согнали месяц назад. И вернулся. Мы ждали репрессий, но, кроме вялого опрокидывания палаток, уже ничего не происходило. Это означало победу. Это хорошо. Потом мы уехали. Остались местные инициативные группы. Работа в Череповце будет продолжаться. Изменилось ли что-нибудь? Сделано ли что-нибудь? - я не знаю. Я знаю, что что-то было. Я знаю, что для прямых или косвенных участников акции это что-то значило. Я знаю, что ничто не проходит даром. Посмотрим.

Марина ПОТАПОВА

Учимся у Классиков.

Три урока Новой Музыки у литературы двадцатого века

1.

Скоро появилось ещё несколько оркестров, которые играли на поломанных и расстроенных инструментах. Особенно модным в то время считался какофонический оркестр "Ветрофон". Он был небольшой и состоял всего из десяти коротышек. Один из этих коротышек играл на консервной банке, другой пел, третий пищал, четвертый визжал, пятый хрюкал, шестой мяукал, седьмой квакал; остальные издавали другие разные звуки и били в сковороды.

2.

Но вдруг в чуткую тишину начинает сухо стучать какой-то идиотский молоточек, раз, два, три, десять, двадцать ударов, и вслед за ним, точно кусок грязи в чистейшую, прозрачную воду, падает дикий визг, грохот, вой, раздаётся хрюканье медной свиньи, вопли ослов, любовное кваканье огромной лягушки, — весь этот оскорбительный хаос бешеных звуков. Нечеловеческий бас ревёт слова, оглушает какая-то дикая труба, напоминая крики обездоленного верблюда, грохочет барабан, верещит скверненькая дудочка, раздирая душу, крякает и гнусаво гудит саксофон.

3.

Голова певца тряслась всё более мелкой дрожью, точно крылья навозной мухи, и на-

растающий звук, который он испускал, был воплем электронных кошек, получающих энергию от мокрых пластин аккумуляторов или провода на траве. А певец играл им, вертел его, загонял всё выше, пока он не достиг заключительных вибраций. Это ревел зверь полного отрицания, а сзади его нагоняли бас и барабаны, не останавливаясь, подминая под себя сознание. Интересно, способны ли рога гуннов греметь оглушительнее? Уши рвал невыносимый шум, а грязные, раскрашенные мальчишки были чудовищами, были поколением, которое жило звуками уничтожения всяческого порядка, они жили в мире распада. В этой гекатомбе децибелов слышался грохот рушащихся гор, и в ней рвались сердца — в буквальном смысле рвались: словно это был звук смерти от внутреннего взрыва, барабаны оргазма, когда сознание разлетается вдребезги, и силы будущего, мощные, безликие, также безумные и испепеляющие, как волны лавы, изливались из урны всего, что было накоплено культурой, и швыряли мозг в бешеные глубины, в водовороты демонов, в омут рёва, в лабиринт диссонансов, где визжали электрические крещендо, а эти дети, словно грязные христиане, тихо сидели на траве, вежливо аплодировали и издавали возгласы одобрения, когда песня окончилась.

пособие подготовлено
в Мастерской Анонимного и Бесплатного Искусства

Новое искусство для тех, кто не знает как оно старо: "Лайбах" и саквояж для духовного использования

"Лайбах" уехал, но споры о нем продолжаются...

"НСК по своей структуре простой и одновременно сложный механизм, что делает какое-либо точное объяснение в нескольких словах практически невозможным". Так написано в буклете "Нойе Словенише Кунст" - ассоциации "нового словенского искусства", ведущей группой которой является "Лайбах". Вам не удастся получить точное изложение философии НСК несмотря на все заверения ее организаторов о том, что члены НСК объединены общей понятной им философией.

На протяжении многих лет их пытались заставить пояснить их "непереводимую" философию и их отношение к собственному искусству, но они кажется слишком хорошо отрепетировали свою беспристрастную манеру изложения и потому оставляют обращенные к ним вопросы открытыми. По крайней мере такое впечатление складывается после встречи с Иваном Новаком, который выступал от имени группы на пресс-конференции в Москве. Мягкая красивая манера речи и вежливость - "Иван" (Иво) уже сам по себе является манипуляцией образа, образа милого безобидного человека.

Как и добрая сотня других художников, пытавшихся создать культовые движения, "Лайбах" притворяется интернациональным и кажется подвергает сомнению все формы авторитета и представления людей об обществе и истории. Я впервые услышала о группе от моего друга-югослава, говорившего о них не иначе как о своего рода анархистах в области философии, ставящих под сомнение все авторитеты и предрассудки аудитории. Позднее оказалось, что это было всего навсего его собственной интерпретацией, поскольку мой друг принимал низвержение ими некоторых авторитетов за низвержение всех авторитетов вообще. Впрочем, это вполне соответствовало стремлению группы перевалить ответственность интерпретации на аудиторию. Как сказал Иво, "Мы не настаивем на том, чтобы люди понимали то, что мы делаем... Мы сами себя не понимаем... В этом смысле у нас прекрасные отношения с аудиторией".

Почему их не волнует реакция аудитории на их искусство? Почему им все равно, если разные люди воспринимают "Лайбах" как идеологическую или анти-идеологическию группу, как фашистов или антифашистов? Почему они постоянно сталкиваются с неонацистами, встречающими их фашистским приветствием, и никогда не говорят об этом ни слова? Кто они, скрытые фашисты? Может быть, но более вероятно, что они просто не хотят обидеть никого из своих фанов, которым они дают ощущение крутизны, получая взамен то, что нужно им самим - деньги.

В буклете, выпущенном информцентром НСК и продававшемся на концерте за 5000 рублей, больше всего поражает именно то, как много ерунды эти ребята хотят всучить своим поклонникам. Помимо продажи идеологии, парни из НСК попутно продают шоколад, галстуки, свечи, кофейные чашки, пепельницы и дорожные саквояжи. Купить можно даже гражданство в "Первом глобальном государстве Вселенной" (старая мечта Хлебникова, у которого, на беду, не было настольного издательского комплекса). Эти паспорта, как утверждают сами продавцы, "вскоре станут редкими художественными документами и их цена будет только увеличиваться со временем". Что это как не до боли знакомый наглый коммерциализм панк-импрессарио Малколма Макларена, но на этот раз с более цивилизованным лицом?

Сущность "Лайбаха" как и других аналогичных художественных культов - это иллюзия крутизны, понимания чего-то такого, что другим недоступно. И отношения группы с аудиторией - это не соратничество, а отношения вождей и последователей. А последователи, по своей сути, люди недалекие.

Но что отличает "Лайбах" от сотен других арт-культов по всему миру, это то, что они быстрее других ударились в мэйнстрим. Именно поэтому, несмотря на кажущуюся неприязнь к миру рок-н-ролла, "Лайбах" сохраняет традиционные для рока отношения между звездами и аудиторией, между вождями и последователями. В то время как по форме концерт "Лайбаха" может сильно отличаться от концертов большинства рок-групп (хотя использование ими мульти-медиа и их стиль далеко не оригинальны), структура остается той же.

Я вышла с коцерта "Лайбаха" со словами "бизнес и претенциозность" на устах. Тем не менее в вестибюле наша дискуссия крутилась вокруг того, является ли "Лайбах" "фашистской группой". После посещения их

FEE LEE МОСКВА, РОССИЯ
MANAGEMENT
&RECORD COMPANY
10 декабря 1994
ДК им. С.П.Горбунова

концерта в Нью-Йорке (поверьте мне на слово, московский концерт был вполне третьеразрядным по своим эффектам, видимо потому что был недостаточно коммерчески-выгодным) мои друзья, в том числе и мой югославский приятель, уходили с чувством, что это именно фашистская группа. Меня тоже захлестнуло это чувство. В конце концов, хотя они и не использовали фашистские символы, стиль был насквозь тоталитарным, от используемых элементов соцреализма до их холодных механических движений на сцене, выдававших их любовь к дисциплине.

Мне очень хотелось побеседовать с ними после московского концерта, но звезды и на этот раз остались недосягаемыми. Хотя очень легко представить общий тон их ответов. "Почему рабочий с факелом - это тоталитарный символ, а Микки Маус - нет?" "Почему всякое механическое поведение заслуживает подозрения, в то время как люди охотно покупаются на якобы более естественную дружелюбность?" "Почему эмблему НАТО нельзя представлять в зловещем свете, в котором она на самом деле существует?" Это все очень хорошие вопросы. "Лайбах" умеет их задавать. Но их не хватает на то, чтобы ставить под вопрос собственное творчество.

В документальный фильм о фашистских музыкальных группах в Европе, который мне как-то довелось посмотреть, включили и "Лайбах". Одетые как идеальные семьянины времен гитлеровской Германии, в пасторальном пейзаже, рассуждающие о своих идеях Европы, цивилизации и европейской цивилизации, они выглядели более зловеще, чем тупоголовые скинхэды, позировавшие перед камерами всего за минуту до них. В конце концов эти последние совершенно очевидно не имеют мозгов и их манеры могут легко вызвать негативную ответную реакцию. С "Лайбахом" не все так просто. Как Ортега-и-Гассет или Маринетти, это более творческие и умные люди, и они подвергают сомнению некоторые авторитеты. Но они работают над укреплением вертикальных структур и элитизма. Как и боевые нацистские группы они пригревают бездомных духом (не в этом ли секрет их дорожного саквояжа для духовного использования?), но мотивы их деятельности несколько иные. Я не согласна, что их концерт напоминал митинг гитлерюгенда. Гитлер был вовсе не единственным фашистом и записывать всех их, явных или скрытых, в его лагерь неправильно. Все дело в том, что фашисты, как и системы подавления, бывают явными и скрытыми. Я думаю, именно это "Лайбах" хочет показать людям, но я сомневаюсь, что тех, кто поймет это, будет достаточно много.

МС АКАЙ-47

"В РЕДАКЦИЮ ПРИШЛО ПИСЬМО"

С удивлением прочитал в "ВУГЛУСКРе" N 1 так называемую "народную" сказку "26 омоновцев". Должен заявить, что она мне глубоко чужда; я не имею к ней никакого отношения. Во всяком случае, не могу припомнить, когда это я ее создал.

Народ.

Ребята! Сама я ваш журнал и в глаза не видела, но мой приятель Витя У. попросил написать вам и узнать вот что: существует ли связь между ВУГЛУСКРом и пресс-секретарем президента РФ г-ном Костиковым?

Алена З.
Пос. Селятино Московской обл.

НАЙДИ ЗАНЯТИЕ ДЛЯ СВОИХ РУК!

Многие спрашивают: как же бороться с капитализмом в существующей идиотской ситуации? Мы с товарищами считаем - начинать надо с малого, хотя бы с рекламы. Добраться до Останкино трудно; выкидывать собственные телевизоры, в общем, жалко. Но кто мешает нам уничтожать рекламу, разбросанную в пространстве?
УВИДЕЛ РЕКЛАМУ - УНИЧТОЖЬ ЕЕ.
УВИДЕЛ РЕКЛАМУ - СОРВИ, РАЗБЕЙ, ПОДОЖГИ ЕЕ.
Действуй быстро и решительно; если можешь, действуй нагло и публично. Интересующимся объясняй: реализую свое право на неполучение ненужной информации.
НАЧНЕМ С РЕКЛАМЫ! А ТАМ И ДО РЕКЛАМОДАТЕЛЕЙ ДОБЕРЕМСЯ.

Антискрудж и Фронт освобождения стен

ВУГЛУСКР
N 2, 1994 г.

Над номером работали:
Мустафа БАБАЙ, Иван ПОМИДОРОВ, Silver ROCKET (США), Павел СЕНТЯБРЬСКИЙ, Любомир СЕРДОБОЛЬНЫЙ, группа "СЛЕПЫЕ", Muza SO.
Рисовали: главный художник Muza SO., просто художники Марина ПОТАПОВА и Ксения ДАТНОВА, а также другие художники и нехудожники.
Верстка: Евгений РУСАК
Связь с редакцией по адресу: 107061, Москва, а/я 500.

ПРО ПАНКА

(быль)

Как и все панки нашей эпохи, Беспределов стремился в страну Загасиму, где, по слухам, давно была обустроена полная анархия. Ночью он бежал из Большого города, хотя сам об этом еще не догадывался. А было так: вечером Беспределов отправился в зоопарк, чтобы, проскользнув мимо разморенного тремя литрами кислого пива сторожа, украсть Варраву.

Познакомились они давно, панк работал тогда в зоопарке выносчиком дерьма, а Варрава числился рядовым заключенным 6-й клетки, белопузым сицилийским хорьком, который, правда, зоопаркового дерьма принципиально не жрал, при виде сторожа зло матерился по-итальянски, а ночью, когда даже измученные генетической памятью об арктических льдах белые мишки в своем вольере впадали в полузабытье, пробирался через ограду в клетки храпящих обезьян и жестоко кусал какую-нибудь макаку за малиновую жопу, отчего уязвленное животное душераздирающе выло, лупило в перевернутое корыто как в там-там и будило соседей-приматов. К рассвету концерт разрастался и уже вся Красная Пресня просыпалась в холодном поту от сатанинского лая, воя и булькающего шипения. "Фурор! Полный аншлаг! Апофеоз-финал!" - радостно потирал лапки Варрава, по-партизански скользнув обратно.

Непримиримостью нрава и склонностью к веселой панике и полюбился зверек добросердечному панку, питавшему хорька маленькими желтенькими таблеточками и ништячками из соседней пиццерии.

Итак, преступной ночью, на глазах у покладистых и потому не поднявших шухера животных, Варрава был выманен условным свистом, посажен в карман и навсегда свалил из зоопарка. Исчезновение на столичных улицах разливанного пива, вечно за что-то протестующих граждан, бдительной милиции и общее сгущение красок предзнаменовали грозу, которая и незамедлила воспоследовать. Небо порвалось заумной эмблемой "Деад Кеннедиз". потом врезало как из танка по Белому дому и Беспределов невольно присел в тухлую лужу, а Варрава вцепился когтями в четырежды дырявое панково ухо. Ударило второй раз, теперь уже ясно давая понять, что никаким Зевесам и прочим Иеговам не выгодно и не любо, чтоб всякий маргинал тырил из клеток валютых зверей и вообще вел себя противоправно, то есть ебнуло панка непосредственно по бритому черепу. Тут с Беспределовым приключилась временная амнезия и как оказался он в пахнущем родиной и навозом стогу на безымянной трассе - не припоминает. Варрава же ничего, проблевался и помнит все, но вряд ли расскажет. Таким образом, достававший вторую неделю Беспределова вопрос - бежать или не бежать из Большого города, решился сам собой положительно.

* * *

- В моем стогу, сука, спал? - поигрывая обрезом, с кулацкой хитрецой спрашивал старик.

- Отдыхал, - меланхолично отвечал панк, больше думая о том, можно ли жрать жирную янтарную каракатицу, вылавливая ее из массива несвежего лошадиного дерьма.

Были у старика сыны, двое, да пошли на пасху в соседнее село поглядеть крестный ход. Утречком обнаружил их в гнилой канаве покоцаных неизвестно чьим ножичком проезжавший в мотоциклетке по большаку участковый. Теперь оставалась одна драматическая старушка Кукишна, в помощь ей и вел старик панка, тыкая обрезом ему в спину.

- Готовить умеешь? - пытала Кукишна, - Хорек твой крыс от подвала отучит?

- Усе будет в норме, - заверил панк, - гони деда на пашню, щи будут в лучшем виде.

- Не приставала? - осведомился старик, вечером вернувшись с пашни и охотно наворачивая из глубокой

миски наваристые щи, - а то восемьдесят лет, а все то же, требует какого-то хуя...

Панк застенчиво сопел и молчал.

- Да где ж делась бабка моя? - встревожился старикан, облизывая дно миски.

Не выдержал Беспределов, заржал, застучал по полу тяжелыми хаками: "Сам же, дедушка, ее и сожрал!"

Дедушка смеялся долго нездоровым чахоточным смехом, удивляясь на тотальную ебнутость городского бездельника. После, утершись рукавом, подошел к чугуну, снял крышку, убрал лицо от пара и внимательно заглянул. Из жаркого картофельно-лукового марева глядел на него такой знакомый левый глаз с желтым бельмом и чему-то угрожал палец. Дедушка схватил руками воздух, потом потянулся к охотничьей берданке, которую года три не снимал со стены и наконец грянулся об стол башкою, забился, выкрикивая невнятные иноязычные ругательства.

- Не выдержал дед, - сочувственно отметил панк, - вот она, жизнь крестьянская, поел щечек...

Явился из кладовой, чрезвычайно довольный тем, что спиздил пол рюкзака сыру и кинул местной крысе четыре палки, Варрава и зашептал на ухо в том смысле, что пора и честь знать. В гостях хорошо, а на трассе лучше.

- Сдох деда, - констатировал Беспределов, повернув ногою седой оскаленный кочан с вишневой пеной на синей роже и решив, что хорек, как всегда, прав.

* * *

- Гавнючонок, - ласково пощекотал панк друга по животу. Друг валялся ни жив ни мертв на спине под едва надкусанной шляпкой оранжевого с зеленым подозрительным ободком гриба и, молотя лапками воздух, ухохатывался над чем-то.

- Не ешь меня, опизденеешь, - сказал гриб.

- Как же тебя не есть? Опизденею, - протянул Беспределов руку отломить и себе кусочек гриба-смехуя.

Когда вышли на опушку мужики-охотники, то нашли обоих в совершенно непотребном хохочущем виде и долго не гадая, что за гриб-смехуй такой, отведали сами. Праздничная пальба, звук дикого мужицкого пляса и нечленораздельных частушек привлек внимание президента, вояжировавшего в этой области с целью выяснения общественных настроений. Выйдя из чернолакового лимузина, президент грозно спросил: "Что это у вас за хуйня, извините, здесь происходит?" Но когда поднесли ему на расписном блюдечке кусок гриба-смехуя с рюмкой водки, сам президент пустился в пляс, закружил в хороводе в психоделическом единении с народом, притоптывая, присвистывая и отбиваясь от телохранителей, хоть и не кушавших смехуя, но от евойного духу еле стоящих теперь на четырех лапах. Один пробовал щипать траву, а второй все хватал за талию раздухарившегося президента и нехорошо рычал.

- И никаких классовых противоречий, - мудрствовал Беспределов, - заметьте, никаких.

Видел он сейчас явственно страну Загасиму, наблюдал анархию, но о том, как там да что, говорить нельзя - страшная тайна! И только светло улыбался.

* * *

- Да ты парашу нюхал хоть раз? - возмущался старшина Уебщенко неопытности молодняка, - рассказывай давай про смехуй твой...

- Я же объясняю, берете беломор, - устало переводил разговор на близкую и понятную тему панк, - делаете штакет...

Старшина был рубинов и грозен, багрян и звероподобен, Уебщенко напоминал, что законы для всех, что в документах не может быть писано "Психодел Террорович Беспределов", что двое таких умников в прошлом годе, будучи пойманными без ксив и пиздивших про крестный ход, огребли свое и лежат нынче у старой церкви и "ваще хоря твоего уже сдали в Москву на опыты", так что лучше не играть в молчанку.

- Объясняю еще раз, учитывая авторитарность и репрессивностьь вашего сознания, берете беломор...

Старшина несмелой рукой потянулся к новенькому косяку и тут же, окончательно оборзев, вынул из кармана спички, развязно сказав: "Посмотрим, что это за вещдок". Остальные сгрудились у стола с косяками в общей давке.

- Как вас задержали? - вопросил старшина, затягиваясь и теряя свирепость.

- Иду по трассе, навстречу два мента, спрашивают: "Ты откуда?" Я объяснил.

Но Уебщенко уже ничего не слышал.

- Тебя, бананового хуя, я пристегну лично, - разобрался старшина с панком, защелкивая наручник, - а тебя, - обратился он к неприсутствовавшему грызуну, - отправим на опыты в Москву, там тебе в научных целях присобачат селезенку к яйцам, сраку на голову пересадят, зубы в задницу вклеют... - видимо, наблюдая в своем наркотическом кошмаре все эти анатомичесские ужасы, старшина потерял сознание.

В отделении воцарилась атмосфера полицейского бедлама и милитаристского безумия: кто-то ссал в пылающий телевизор, крича: "Стой, стрелять буду!" - молоденький лейтенант скакал по кабинетам на швабре, подражая буденновскому коннику, а группа рядовых, бредивших страшным терминатором, оглашенно носилась по лестницам, ища спасительного выхода.

- Тьфу, - злился панк, - даже травка бульдогам впрок не идет.

Сам он видел, как рыжие длинношерстные обезьяны

вставали из поля ржи и кланялись изумрудному небу, где парили сверкающие черепахи, выполняя сложнейшие десантно-воздушные упражнения, иногда какое-нибудь из небесных животных камнем срывалось из облаков вниз и цепко хватало мускулистыми лапами кланяющегося примата, тащило в облака жрать. В том же отделении пригрезилась ему снова анархия и Загасима, но об этом больше ни слова! Варрава спешил к панку с ключом в зубах, а по зачарованному отделению разбегались уже в неустановленном направлении заключенные сраного вивария - беспризорные кошки, собаки, крысы и даже два каракумских варана - подготовленные в Москву на опыты и спасенные храбрым хорьком.

Утом посеревший Уебщенко с радио-помехами в голове и горьким вкусом во рту открыл глаза в одиночной камере и долго рассматривал наручник у себя на запястье. Ощупывал свежевыбритый ирокез, политый чернилами, трогал литую серьгу-"анархию" в ухе, презрительно ковырял дырки на самых интимных местах полуистлевших джинсов, наконец, плохо соображая, сел на лавку и сказал: "Слава кодексу, эта панковская скотина тута, но где же тогда я?"

* * *

В школу Беспределов и Варрава попали случайно, оттого, что ништяков в этом провинциальном городе не было. "Хомячок" ребятам понравился. На второй день их появления все стаканы с отвратным кофе были приклеены к подносам, а подносы к столам. В спорт-зале кто-то вечно искал теперь "выпавшие" контактные линзы и не давал проводить оздоровительные кроссы, из столовой исчезли ложки и вилки, из мастерской инструменты, из плафонов лампочки, а из компьютеров дискеты. Вооруженные всем этим школьники затеяли в главном зале ночную революционную дискотеку памяти вудстокского фестиваля. Назавтра на всех пропахших марихуаной этажах пылали мусорные урны со школьными журналами и дымящей пластмассой, дверные ручки директорского и завуча кабинетов оказались измазаны клеем, вазелином, дерьмом и дешевой помадой. Героически попытавшийся начать урок историк встретил взрыв коллективного кашля и насморка, между тем из кранов во всех шести сортирах в заткнутые тряпками раковины хлестала вода, "продленная группа" разливала по казенным стаканам водку из термоса и звонила директору домой, выкрикивая в трубку экстремистские призывы. Явившийся через полчаса директор запутался в паутине из ниток и был обстрелян водой из шприцев и полит восхитительной пеной из огнетушителя с пожарной лестницы, где засели активисты школьного клуба "Молодой альпинист". Рычаг сигнализации заблокировали в состоянии предельной громкости, а к сенсору противопожарной автоматики поднесли зажигалку, устроив себе "ниагару". Директор, идущий звонить спец. подразделению по борьбе с террором, потянул дверь на себя, но она оказалась снятой с петель и погребла под собой приклеенного к ручке директора. Следующей ночью школа запылала. Пожарным и ОМОНу, подоспевшим слишком поздно, осталось рассматривать переделанное из чьей-то майки черное знамя, реящее над пепелищем, скелеты обгоревших компьютеров, останки парт, еще недавно служивших основным баррикадным материалом, тлеющие школьные доски с навсегда въевшимися белесыми следами позавчера еще неопровержимых теорем, распахнутый директорский сейф. Вольный ветер уносил вместе с жирным дымом последние листки личных дел, дневников и характеристик.

А панк уводил хохочущих чумазых вооруженных детей, два дня назад еще полных лопухов и пай-мальчиков. В лес. Варрава, бежавший последним, изображая священника, кропил следы спиртом, унесенным из хим. кабинета, дабы отбить весь нюх у поганых ментовских псов. Справедливости ради, надо сказать, что именно хорек обучил всем безобразиям школьников, пока накормленный их завтраками панк сладко почивал под лавочкой в яблоневом садике.

* * *

Оставив свой подросший отряд в темнеющем лесу, Беспределов полез по скату черных скал к дикому пустынному берегу. Долго стоял по пояс в волнах, наблюдая как солнце тонет в янтарном море и чайки, не подозревая о праве собственности, тягают из воды рыбу. Где-то там, куда пряталось светило, за девятым валом и тринадцатым штормом, и лежит благословенный остров, оттуда и звала душу чарующей песней невидимая страна Загасима - отечество анархии, родина тайфунов и цунами, которые там не более, чем детские военные игры в мыльной ванне. Беспричинная кручина захватила сердце панка, да и вода в хаках хлюпала - путь окончен, долой сентименты! Оставалось придумать средство переправы и вернуться за отрядом.

Скучающий отряд Беспределова вверху на скалах спиливал последний телеграфный столб. На бреге, опершись на ружья, смотрели в костер угрюмые большевички: два матроса в бушлатах и непонятный бородатый мужик в беспогонной шинели. Первый матрос, заприметив единственным глазом (второй был перевязан боевой красной ленточкой) панка, молча поманил его. Беспределов подошел не сразу.

- Здрасьте, - сказал, подсаживаясь к костру и вытряхивая из хаков медузу и еще какую-то неопознанную зелень, поинтересовался, - вы погранцы, что ль, будете?

Хмурое молчание было ему ответом, только беспогонный бородач цыганского вида охуело крякнул, сплюнул и невнятно выматерился.

- Уху варим? - заглянул панк в стоящий на углях котел с кипящей морской водой.

- Куда идешь? - по-комиссарски осведомился одноглазый матрос, бывший, видимо, здесь за главного.

- В Загасиму, - лукаво прищурившись, объяснил Беспределов, - хочу повидать заповедную страну, где давно и полностью обустроена абсолютная анархия.

В этот момент бородач, стоящий за спиной панка, занес над его бритой головушкой винтовку и саданул прикладом по темечку.

- Вот те на, - не понял Беспределов, оседая в песок.

Бородач ухмыльнулся и снова сплюнул. Предстояло раздеть добычу, разделать ее штык-ножом и вымыть, апосля чего выварить и сожрать. Вокруг костра занялась голодная суета. Большевички делали ужин.

Панк не знал, что другой дороги в Загасиму не бывает.

Фрей ДОМОВ

СТИХИ

ОГНЕННЫЙ МАРШ

Если чувствуешь себя неуверенно,
Подожги квартиру соседа.
Сделай это быстро, уверенно,
Чтоб тебя окрылила победа,

Чтоб суровое, алое пламя
Клокотало, сияло, вздыхало.
Как огромное красное знамя
Над равниной унылой вставало!

Если чувствуешь, что тебя обокрали,
Подожги кваритру соседа,
Чтобы стены жарко пылали
И сгорело все до обеда.

Чтоб суровое, алое пламя
Клокотало, сияло, вздыхало.
Как огромное красное знамя
Над равниной унылой вставало!

Если чувствуешь себя обездоленным,
Подожги квартиру сосседа,
Лучше быть изгоем непонятым,
Чем сражаться во вторник за среду.

Чтоб суровое, алое пламя
Клокотало, сияло, вздыхало.
Как огромное красное знамя
Над равниной унылой вставало!

Если чувствуешь, что все надоело -
Жизнь закончена. Надо уйти.
Чтобы смерть хоть кого-то задела
Ты в квартире соседа сгори.

Чтоб суровое, алое пламя
Клокотало, сияло, вздыхало.
Как огромное красное знамя
Над равниной унылой вставало!

Владимир МАРКОВ
(Смоленск)

* * *

Когда водрузили над красным Кремлем
Мы знамя свободы черного цвета,
Нас в западню заманил батальон
Наемных солдат президента.

Мы поняли сразу, что их не разбить,
Что наши враги не упустят момента,
Но лучше погибнуть, сражаясь, чем жить
Под дулом солдат президента.

Мы били грабителей отчего крова,
Срывая свинцовые аплодисменты.
Историю пишут собственной кровью,
Стреляя в солдат президента.

Погибли
Герои,
Но песня живет
И птицей летит по белому свету.
Мы будем сражаться, пока не умрет
Последний солдат президента.

("За Анонимное и Бесплатное Искусство", альбом "06")

НАБАТ

Нищий, жалкий и бесправный,
Не сдавайся, не сгибайся!
На Великий бой кровавый
Поднимайся, поднимайся!

Грабь богатых мироедов,
Не стесняйся, не смущайся!
Вспомни прадедов и дедов,
Возмущайся, возмущайся!

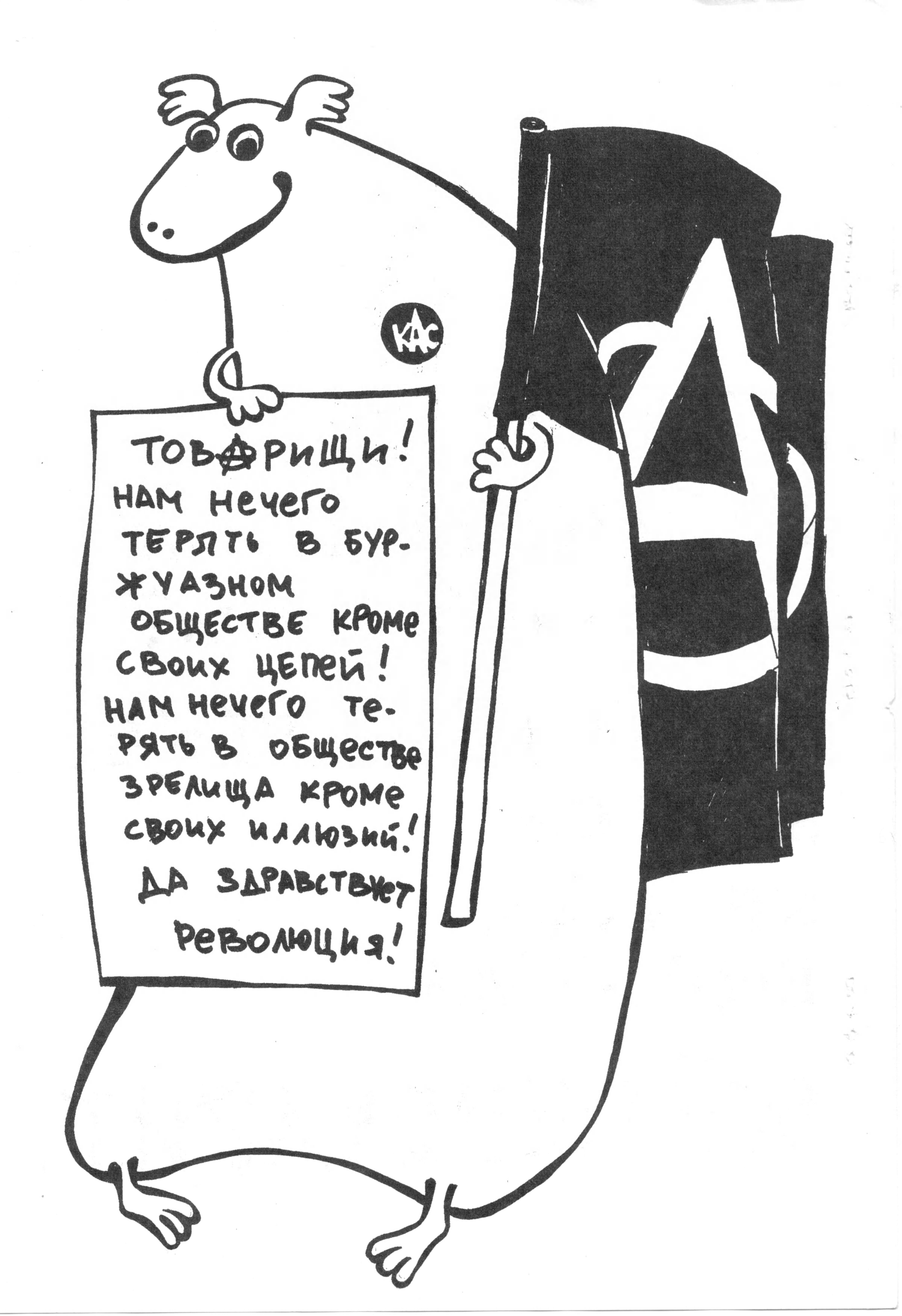
Жги их виллы и квартиры
И не бойся, не стращайся!
Есть у нас, товарищ, силы,
Просыпайся, просыпайся!

Владимир МАРКОВ
(Смоленск)

Вот вы
«Сникерсы,
А где сейчас
Вон ,плывут
Не́ надо
сни
Давайте их
Русская душа

ГОВОРИТЕ:
СНИКЕРСЫ...»
ВАШИ СНИКЕРСЫ?
ПО МОСКВА-РЕКЕ.
БОЯТЬСЯ
КЕРСОВ,
ЕЩЁ СЮДА!
ВСЁ ПЕРЕВАРИТ.

КАС
ТОВАРИЩИ!
НАМ НЕЧЕГО
ТЕРЯТЬ В БУР-
ЖУАЗНОМ
ОБЩЕСТВЕ КРОМЕ
СВОИХ ЦЕПЕЙ!
НАМ НЕЧЕГО ТЕ-
РЯТЬ В ОБЩЕСТВЕ
ЗРЕЛИЩА КРОМЕ
СВОИХ ИЛЛЮЗИЙ!
ДА ЗДРАВСТВУЕТ
РЕВОЛЮЦИЯ!